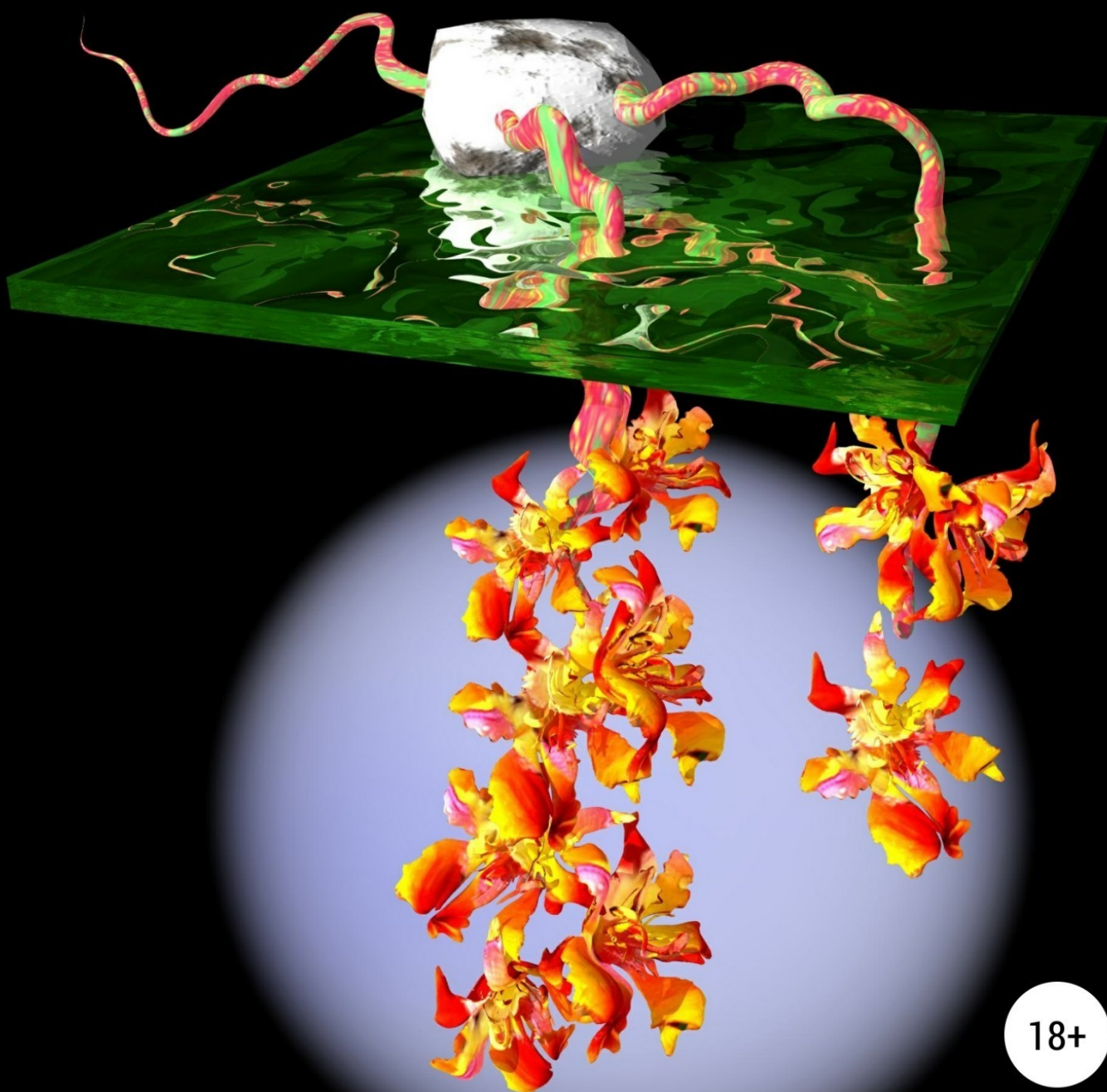

Андрей Шумин

Гомункулус Зуммингера

рецепт Парацельса

18+

Андрей Шумин

**Гомункулус Зуммингера.
Рецепт Парацельса**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шумин А.

Гомункулус Зуммингера. Рецепт Парацельса / А. Шумин —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1675-7

Роман о Парацельсе продиктовал мне его ученик. Действия происходят в XVI, а затем в XX веке. Совершенная любовь, яркая страсть, таинственная магия гомункулов, домовых, русалок и просто волшебников, откровенная эротика с горячей нежностью - оказались основными составляющими в рецептах Великого мастера! Места, где происходили события вполне реальные. И сейчас можно прогуляться вокруг того замка, увидеть милых русалок в камышах озер, почувствовать красоту, которой восхищался еще Великий мастер! Фантазии, фантазии, - шептала она и продолжала поливать цветы своими слезами вместе с теплой водой.

ISBN 978-5-5321-1675-7

© Шумин А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Нашим учителям посвящается.

«Человеческие существа могут появляться на свет без естественных родителей. Они могут вырасти, не будучи выношенными и рожденными женским организмом, а лишь посредством мастерства искусного алхимика. Создание гомункулов до сего дня хранилось в глубоком секрете, и философы древности подвергали сомнению возможность этого. Однако подобные вещи могут быть осуществлены посредством алхимического искусства»

Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм

По мнению средневековых алхимиков, гомункулус содержится в любом мужском сперматозоиде. Принято считать, что именно Парацельс создал точный рецепт создания человеческого существа вне женского организма, хотя некоторые утверждают, что еще за три века до Парацельса первый создатель Гомункула – Арнальдус де Вилланове (XIII век).

Нам с вами повезло, ведь подробный рецепт, описанный Парацельсом в его нескольких научных работах, легко найти и прочесть в интернете а затем, добыв сотню других основных ингредиентов, без проволочек, запустить производство этих замечательных существ!

Но удивительное дело, наша история, смогла сохранить всего лишь жалкое подобие истинных рецептов. По многим причинам, далеко не всем удастся вписать свое имя в века. Большинство умельцев – колдунов и магов, канули в вечность вместе со своими открытиями. У них не было возможности в открытую заявить о себе, и в буквальном смысле «впечатать» свой след в память человечества, не смотря на свои еще более выдающиеся опыты или выводы. Наряду с печатной алхимией, существующей тысячелетия, когда каждая деталь многократно редактировалась и переделывалась, согласно существующим порядкам и правилам, сохранились первоисточники некоторых событий и магических опытов. На этих страницах можно найти некоторые из них. Их кажущаяся странность – результат преломления нашего сознания под воздействием правил, табу и запретов.

Почему-то часто считают, что гомункулы, это всегда маленькие и беспомощные существа. Следуя рецепту Парацельса, можно вырастить гомункула, максимум до тридцати сантиметров, а вот колдуны из рода Зуммингеров в самые короткие сроки выращивали их до привычных взрослых человеческих форм. Их создания могли очень долго жить среди людей. Здесь все зависело от той программы, которая была заложена в основу работы во время создания существ. Так же было выяснено, что вместо так называемой «смерти», гомункулы могли пополнять ряды эльфов, гномов, домовых или возвращаться в тот демонический ряд, откуда была вызвана их суть.

И все же, самым сильным фактором во всей этой колдовской и демонической круговерти оказалась Судьба. Мягко, незаметно и весело, словно игривый котенок, она оказывается рядом в самый неподходящий момент и пугает всех веселым озорным смехом! Вот тогда то и приходится задуматься над вечной борьбой человека самим с собой. Человеку никогда не сравняться с Ней и до сих пор, творения мастеров магии несовершенны, а человеческая воля – сомнительные усилия и пустая трата сил. Лишь тот, кто сумеет разглядеть на земле эфемерные указания Судьбы, будет по-настоящему счастлив.

В одном из тайных подземелий древнего замка удалось найти материалы, которые легли в основу этой странной истории.

1 часть.

Сказочный замок.

Из темноты ночи, словно страж показался силуэт древнего замка. Это было очень давно, и поэтому, тишина была пока что единственной и неповторимой мелодией тех мест, на кото-

рую вдохновение художника могло нанести любые узоры и мелодии, согласно стремлению его беспокойной души.

Внезапно раздался звук поднимающейся решетки замка, и группа всадников проскакала в сторону далекого леса. Застоявшиеся лошади еле сдерживали себя от нетерпения вдохнуть запах свежего луга, почувствовать, как в гривах трепещет утренний рассвет. Вскоре всадники скрылись из виду, и снова все замерло.

В притихшей глади озер медленно тонули последние звезды летней ночи, а листья на молодых тополях приготовились расправить плечики, чтобы забыться в танце с теплым летним ветерком.

Как только небо заволокло розовым туманом, Эллина вышла на балкон. Ей было не по себе. Грудь сжимала неведомая тоска. Казалось, для этого не было никаких причин. Посудите сами, она давно замужем, и все еще питала к своему супругу нежные чувства, да и он был к ней неравнодушен. И все же что-то было не так, как ей хотелось. Особенно сегодня, когда он уехал с приближенными на охоту, не поцеловав ее спящую, такую сладкую и замечательную. Не поцеловал, сокрушалась Эллина, и досада жгла ее вечно молодое нетерпеливое сердце. Она смотрела, как таяли последние огоньки звезд и с каждой потухшей звездой, высыхали последние капли надежды. Быть такой молодой и не получать того, чего хотелось от любимого было невыносимо.

Она позвала Канти, свою взрослую приемную дочь. Это прелестное создание обладало чудесным голосом, и помогала Эллине справляться с периодами неважного самочувствия.

– Я здесь, Элли, – ответила она.

– Спой мне, Канти, пожалуйста, – Эллина прикоснулась к ее подбородку, подняла ее голову своими нежными руками и заглянула в ее яркие глаза, – спой мне, милая, да так, чтобы сердце мое больше не рвалось в груди, а вылетело на свободу, мне так тяжело, спой, Канти!

– Да, Элли, все, что только захотите, – ответила Канти, села рядом на балконе у ног Эллины и начала петь.

Ах, что это была за песня! Поля и леса в округе никогда не слыша шум моря, голосов диковинных птиц и горячего солнца, притихли от первых звуков ее голоса. Вся природа замирала всякий раз, когда Канти пела свои песни.

Канти пела, а Эллина сладко плакала, глядя, как из-за далекого леса выплывал золотой край огненного Солнца.

Печаль Эллины растворялась в нежных звуках голоса Канти и сквозь соленую пелену слез наблюдала, как на берегу широкой реки купаются смуглые дети, дымятся костры, возвышаются необычной формы храмы далекой страны. Она закрыла глаза и представила, как заходит в один из этих неведомых храмов. От жизненных рисунков на их стенах разгонялось сердце, щеки краснели, и хотелось принять все изгибы этих барельефов, но для полного исполнения этих захватывающих сюжетов необходим был еще кто-то. Она чувствовала, насколько ее муж был груб и нетерпелив, и именно от такого отношения последнее время с ней творилось неладное. Ей было обидно за свою проходящую молодость, в которой могло быть намного больше радости и смысла.

Царящая вокруг жестокость шестнадцатого века, должна была приучить ее еще с самого раннего детства не замечать этой вечной неудовлетворенности, но она не смогла смириться с этим, ни смотря, ни на что. С Эллиной все чаще случались приступы меланхолии, которые продолжались по нескольку дней. В эти моменты князь почему-то всегда оказывался в отъездах, и эти невероятные совпадения все больше разрушали их отношения.

Князю сложно было управляться с большим хозяйством, где-нибудь, да не успеешь. Стоит ли его в чем-то винить, если он и сам понимал, насколько тяжело быть несовершеннолетним?

А в это время, по разбитой дороге в направлении города, катила повозка. Возничий, загорелый молодой человек с острым и цепким взглядом, не суетился и не гнал лошадей. Он думал

о чем-то своем, забыв про дорогу и, наверное, вообще обо всем на свете. По всей видимости, путешественникам некуда было спешить. Два гневных спокойно тянули лямки и по пути досматривали ночные сны. В повозке сидел мужчина. Он дремал. Чуть полное лицо, редкие волосы, округлый подбородок, роста, для тех времен, ниже среднего – все это выдавало в нем человека умственного труда. Его багаж состоял в основном из книг, тетрадей, стеклянных банок и коробок. Судя по всему, это был врач или аптекарь.

Изредка он открывал глаза, чтобы осмотреть местность, а потом снова закрывал их до следующей колдобины на дороге.

Ладно, не будем обременять читателей лишними загадками и пояснениями, это действительно был врач. Он возвращался из путешествия, где смог добыть новые субстанции для своих магических опытов. Путешествуя по восточным странам, он сумел отыскать недостающие элементы для своих рецептов. Надо сказать, что в то время, быть врачом было не просто. Их действия скорее напоминали действия мага, а все лекарства приходилось составлять самому. Это было время великих экспериментов, которые проводились в тишине затененных кабинетов, за толстыми и тяжелыми засовами. Хотя, нет, все эти таинства зарождались в умах скитающихся по земле, экспериментаторов или попросту, алхимиков! Поэтому человека в повозке сложно было назвать просто врачом. Это был почти что творец! Его голова даже во сне создавала и переваривала новые идеи. Мысли, словно разноцветные, воздушные кирпичи, складывались то в одно, то в другое причудливое здание. Он пытался создать нечто такое, чего ранее, никто еще не мог сделать. Этот человек-легенда, не зря он совершил многолетнее путешествие. Наконец-таки в его багаже было все необходимое для очередного открытия. Великий алхимик лишь ждал знака свыше и вдохновения. Но сегодня, он явно не хотел заниматься расчетами. За несколько дней непрерывной тряски и ночей, проведенных в придорожных домах, накопилась чудовищная усталость. Он вымотался, и вдохновение окончательно покинуло его. Вдалеке он увидел шпили замка и крепость. В этом городе надо отдохнуть, иначе я не смогу завершить свой план, – подумал Парацельс и крикнул погонщику, – эй, Зумм, держи поводья на город, будем там отдыхать. Проведем несколько дней, как люди, а не как бездомные собаки.

– Хорошо, учитель, – усмехнулся погонщик Зумм, – мимо города не проедем, и тихо добавил, – слава Богу, давно пора передохнуть. – Зумм незаметно достал из кармана маленькую коробочку, поднес ее к уху, чуть послушал, улыбнулся и убрал коробочку обратно в карман. Ученик Парацельса, подстать своему учителю, был еще тот параисследователь! Хороший город, хороший город, – повторял он про себя, – знаю, хороший, теперь знаю, – повторял про себя Зумм, продолжая загадочно улыбаться.

Они въехали на пригорок, и перед ними предстал древний город во всем своем величии: крепость, валы, шпили колоколен и городских зданий, а вокруг дома мастеровых, служащих, далее крестьян.

Странная атмосфера царила в округе, будто в воздухе звенела неземная музыка, пахло далеким дымом ритуальных костров, в небе на фоне легких облаков вырисовывались силуэты причудливых храмов, а блеск больших озер окончательно переносили мысли наших путешественников в неизвестную причудливую страну.

Вот уже показались первые дворы, и путешественники сразу очнулись от наплывающих видений. На лужайках паслись козы, коровы. Повозка остановилась. Это пастухи гнали через дорогу стадо коров.

Парацельс отвлекся от своих мыслей, наблюдая за откормленными животными, слушая, как щелкают кнуты пастухов.

– Пошла! Пошла! – доносились до него крики.

– Во! – не выдержал и восхитился Зуммингер, – хорошее стадо! – а потом добавил, – на таких чудных лугах не мудрено так откормиться. Вон, аж лоснятся!

Путешественники некоторое время рассматривали грузных животных и ждали, когда можно будет двигаться дальше.

Наверняка здешние правители хорошо нам заплатят, – думал Зумм, – надо поселиться ближе к городской ратуше, в хорошем доме, потом с лихвой все окупится.

И вот повозка затряслась по городским булыжникам. В коробках зазвенело стекло, и Парацельс забеспокоился, – ну и мостовая, – возмутился он, – осторожно, Зумми, бутылки поколуются!

Зумм нахмурился, придержал лошадей и подумал про себя, – кому нужны эти бутылки, самые главные бутылки – это наши головы! Надоедливый старик, сам не пойму, за что я его так люблю?

Ближе к центральной площади камни стали ровней, и тряска прекратилась. Они остановились на городской площади напротив гостевого дома. Зумм достал вещи и понес их за Парацельсом. По пути, он как бы невзначай проговорился работникам дома о своем хозяине – известном лекаре.

– Вы слышали о Парацельсе, самом знаменитом враче Европы? – шептал Зумм первому встретившемуся у входа. Зумм знал, что первый встречный самый любопытный и сразу побежит, рассказывать всем свежую новость.

– Да, да! – так же шепотом отвечал ему, очередной поверенный в эту тайну, боясь показаться необразованным неучем.

– Ну, так вот, – многозначительно продолжал Зумм, указывая взглядом на Парацельса, – это он и есть! К сожалению, он всего лишь на несколько дней задержится в вашем городе. Его ждет настоящая Европа, где у него огромная практика и сотни страждущих!

– Да, ну! – восторгались загипнотизированные слушатели и с благоговением всматривались в черты мировой знаменитости.

Теофраст после такой рекламы был встречен, как знатный господин. Он действительно был достоин такого приема. Где бы он ни останавливался, весть тут же разлеталась по городу, и к нему приходили посыльные с приглашениями. Он никому не отказывал в помощи, ни богатым, ни бедным. Глубоко верующий, он считал своим долгом помогать всем. Человек вдохновения, Парацельс следил за всеми знаками и явлениями вокруг себя. Он находился в гармонии с миром и равновесии с самим собой. Каждому своему пациенту, Теофраст давал особенный рецепт и никогда не повторялся в своих назначениях. Нет смысла пересказывать здесь то, что давно всем известно. Этот человек настолько известен, что любой пересказ, это пустая трата времени. На этих страницах не будет привычных трактовок, а только все новое, что нам удалось выяснить. Поэтому продолжим без надоедливых повторов исторических справок.

После вкусного завтрака, как и положено знаменитому доктору, он лежал в лучшей комнате на втором этаже гостиницы и вдыхал запах чистых простыней. Окна комнаты выходили на солнечную сторону. Но было еще рано, и прозрачные лучи только-только готовились проникнуть к нашему волшебных дел мастеру. Теофраст засыпал и чувствовал, как словно маленький зеленый росток в пустынном поле, из-под земли, вновь прорастает вдохновение. Алхимик спал, а все его мысли набирались сил и крепили. Он даже во сне продолжал искать рецепт приготовления живого лекарства. Это было безумием, как и любое его начинание. Парацельс длительное время пытался создать искусственного человека. Эта идея пристала к нему несколько лет назад и с тех пор, он посвящал этой идее лучшие часы своего вдохновения. До сих пор, все образцы гомункулов, которых ему удавалось получить, оказывались непригодными для длительного использования. Со временем, у них портился характер, и он начинал пугать своего создателя, после чего, изобретатели были вынуждены прекращать очередной опыт. В конце концов, Парацельс решил подойти к этой задаче несколько иначе.

Как ни фантастично это выглядело со стороны, он все же был верен своей цели. В любом случае, все старания не остаются бессмысленными, – думал он, – если не хватит жизни, и кто-

то другой продолжит путь к моей мечте, все равно, в любом случае, первопроходец станет основоположником великих открытий.

Теофраст спал, настраивал себя на победу. Крепкий сон расчищал путь от сомнений и слабости духа, возвращая способность мыслить и действовать.

Тем временем, Зуммингер – его ученик, еще сидел внизу и за очередным стаканчиком веселой и согревающей жидкости продолжал делать рекламу своему учителю. В данном случае, как он себе объяснял, алкоголь – это необходимая жертва для полноты успеха. Зум знал, что от количества пациентов Парацельса будет зависеть не только его собственная плата в ближайшие дни, но и его будущее.

Приглашение.

Следующим утром за завтраком, Теофрасту вручили приглашение на обед к князю. Читать чужие письма не хорошо, но делать нечего, приходится держать в курсе событий читателей. Именно это обстоятельство вынуждает заглянуть, через плечо Парацельса, что же там было написано? В нем было написано примерно следующее: Филиппу Ауреолу Теофрасту Бомбасту фон Гогенгейму – «Достопочтенный доктор, буду рад видеть Вас у себя сегодня вечером в замке, чтобы поприветствовать столь известного врача и алхимика духа и тела.

Подпись – князь Альберт».

Пока Парацельс читал за столом приглашение князя, его ученик Зуммингер сиял от радости. Парацельс оторвался от письма и внимательно посмотрел на Зумма, – что улыбаешься. Твоя работа? Радуетесь, что, верно, все рассчитал? – Парацельс рассмеялся, – понимаю, понимаю, не волнуйся, проценты твои.

– Нет, нет учитель, – ответил Зумм, – у меня есть предчувствие, что ожидается очень интересная работа в связи с этим приглашением.

– Раз ты так считаешь, то пусть так и будет, – ответил Парацельс, потом отложил письмо, внимательно посмотрел на своего спутника и добавил, – ты замечательный ученик, Зуммингер. Мне нравится во всем твой творческий подход, твоя собранность и целеустремленность. Ты станешь замечательным алхимиком. Да, ты не много не такой, как я, но это меня и привлекает! Ты сможешь преуспеть там, где не суждено мне и это правильно! Ученики, это личности и имеют право совершенствоваться именно в тех областях, где сильна их собственная природа. Браво, Зуммингер, браво!

– Учитель, переხвалите, – засмутился Зумм, – или это очередное испытание? – Зумм насколько мог незаметно снова достал свою заветную коробочку и поднес ее к уху, а потом так же незаметно убрал ее снова.

– Ты проницательный человек, Зумм, – это было действительно испытанием. Вижу, ты кое-как справился, – усмехнулся учитель и продолжил завтрак, – а может, тебе помогает твой волшебный жук? – Парацельс подмигнул своему ученику. – Ладно, ладно, скажу, что не знаю твою тайну, не переживай.

Зумм сделал вид, что последние слова учителя совершенно его не тронули, – учитель, мне удалось в общих чертах выяснить проблему князя. Жук, какой жук? – Зумм удивленно посмотрел на учителя. Ему совсем не хотелось делиться своими тайнами даже с учителем. Ведь это с самого начала смахивало на явное сумасшествие даже в глазах Парацельса, поэтому Зумм всячески скрывал эту коробочку.

– В чем проблема, князь, Зумм? Или лично с ним она не связана?

– Да, учитель, проблема и в нем и не в нем, но поначалу он наверняка ее не осознает, как свою личную. Князь слишком занят, чтобы обращать взгляд внутрь себя, поэтому он способен искать неурядицы только снаружи, в окружающих его людях, но только не в себе самом.

– Князь, молод, Зумм, значит, проблема в его супруге, не так ли?

– Да, учитель именно так, – в этот момент Зумм перешел на шепот и пододвинулся

к учителю ближе. Зуммингер по опыту знал, что за такими письмами часто приглядывают, наблюдая за реакцией, и выслушивая комментарии адресатов. Это нормально для любого времени. Человеческое любопытство, желание знать все из первых источников – понятно и вряд ли это можно назвать человеческой слабостью. Да и что такое, человеческая слабость? Разве можно назвать слабостью порывы души или, простите, тела? Это как волна или ветер! Это сама жизнь, она освежает и придает еще больше сил.

Но вернемся к нашим постояльцам, – княгиня слишком чувственная женщина, – продолжал шептать Зум, – но она не в силах изменять своему мужу и от этого тяжело тоскует от недостатка внимания князя.

– Как тебе удалось все это узнать, Зумм, мы только вчера приехали, а ты владеешь такими секретами? Иногда люди имеют помощников в своем магическом арсенале, наверняка и у тебя есть такой? – учитель многозначительно подмигнул Зуммингеру.

– Учитель, ваше обучение человеческой природе, не прошло даром, – ответил Зумм, глядя в потолок, как будто ничего не понял, о чем ему втолковывал только что Парацельс, – никаких помощников, кроме жизненного опыта, который я получил от вас, учитель.

– Ты мне льстишь, Зумм, я не этому тебя учил, – Парацельс улыбнулся, сознавая, что Зум действительно в основном говорит искренне. И все-таки заставил меня улыбнуться, шельма, – подумал про себя Парацельс. – Это тоже искусство, говорить комплименты с душевной теплотой.

– Да, не этому, учитель, это лишь часть Вашей науки, самая маленькая часть. Это своеобразный клей между людьми, понятиями, это чудотворные сплавы астральных субстанций. Вы сами учили меня быть наблюдательным, не терять из вида мелочей, которыми могут себя выдать самые сокровенные чувства. Поэтому в искусстве врачевания мелочей не найдешь.

– Отлично, Зуммингер! Если дело пойдет и дальше так, то вскоре ты отпочкуешься от меня, как и все мои ученики. Я даже вижу сейчас именно ту область, где тебя ждет потрясающий успех! Такова участь учителей – готовить, отпускать, чтобы вновь готовить и снова отпускать своих учеников, словно выкормленных птенцов. Эти большие красивые белые птицы полетят дальше меня и это хорошо! – Парацельс вошел в роль, – учитель – это мост между прошлым и будущим, это необходимый переход в разрыве понятий времени. Ученики проходят по нему на другой край пропасти, идут дальше, чтобы когда-то самими стать, точно такими скрепляющими звеньями в сознании людей.

– Учитель, вы сами еще крепкая птица, не надо о себе говорить так печально. Вы сами парите и у Вас великое будущее, но мне не понятно, какая моя область исследований, и к чему именно у меня есть способность? – Зуммингер насторожился, ожидая приговора своего учителя. Зумм знал свои слабости. Именно слабости, ведь Парацельс придерживался особой точки зрения по поводу его склонностей.

– Что, Зумм, ждешь, что я буду укорять тебя за недостатки? – Парацельс рассмеялся, – ничего страшного в том, что некоторые из нас обожают прекрасную половину человечества, конечно, нет! Да, в этом вопросе ты вряд ли станешь следовать моим принципам, и, тем не менее, ты один из моих талантливейших учеников! Это обстоятельство тебя спасает, а так, я давно бы с тобой расстался. Да, есть такая область, где ты найдешь применение своим способностям, как алхимик. Ведь для того, чтобы раскрыть в себе что-то новое, надо обладать определенно направленной страстью. Именно она поведет человека, будет давать ему вдохновение и силы для открытий, а это для алхимика очень важно. Ты помнишь наши опыты с гомункулом? Помнишь, это эфемерное создание в колбе? Насколько оно нежное и невесомое!

– Помню, учитель, еще бы! – оживился Зумм, – такое не забывается, но причем тут гомункулы, эти нежнейшие в мире сущности. До сих пор, когда думаю, о них на душе становится тихо и спокойно. Какие они замечательные!

– Зумм, они такие именно от твоего личного вклада в их воспитание, заметь. Они могут быть разные, совсем разные. Да, Зуммингер, именно гомункулы, эти замечательные существа, способны связать два мира! Мира твердых форм и мира наших чувств, что царствуют на других, более высоких планах, планах, где живет сама Любовь. Конечно, не в Божественном смысле этого понятия, а в человеческом. Хотя, и это не сильно отклоняется от высших направлений. С помощью гомункулов ты сможешь помочь многим вернуть веру и здоровье. По своей природе, как я тебе когда-то говорил, женщины более чувственные создания, чем мужчины. Этот диссонанс резко сказывается на отношениях и здоровье супругов. Люди умеют делать несчастными себя и своих близких не потому, что они не способны любить, а лишь из-за разрыва твердой части и астрально-эфирной составляющей своих чувств. – Парацельс задумался.

После долго молчания Зумм спросил, – Так что мне делать, учитель?

– Думать, Зумм, думать, а потом делать. Дальше ты должен будешь до всего дойти сам. В этой алхимии рецепты помогают только до определенного уровня плотности. Дальше только твоя воля и искреннее желание по велению самой твоей души сможет создать это самое нечто! Можешь посоветоваться с кем-нибудь еще, – рассмеялся Парацельс и подумал про себя, – сумасшедший ученик, это подарок судьбы! Такой, как и я, это очень хорошо. Только такие необыкновенные, не похожие ни на кого, способны сделать то, что не смогут все остальные – одинаковые и предсказуемые. Это и понятно.

Зуммингер задумался. Он прокручивал в голове все прошлые опыты с гомункулами, которые они проводили с учителем. В самом начале экспериментов это казалось невыполнимым, но потом, вдруг, стало получаться! Зумм вспоминал свое первое существо, которое выросло в колбе, и восхищался радужным созданием. Видны были лишь неясные очертания маленького человечка за стеклом. Зумм вновь вернулся в тот день, когда учитель аккуратно разбил колбу и маленький силуэт гомункула оказался на свободе. Их первый образец прожил недолго, всего несколько дней. Парацельс сразу отдал его на попечение Зумма. Зумм играл, беседовал с ним и за короткое время сильно привязался к своему маленькому воспитаннику. Гомункул оказался необыкновенно способным, внимательным и нежным существом.

– Эта нежность у него от тебя, Зумм! – смеялся учитель, наблюдая, как гомункул радуется присутствию Зумма. – Что ты с ним такое делаешь, Зумм? – спрашивал Парацельс.

– Ничего, учитель, я только рассказываю ему веселые истории, читаю стихи и гуляю с ним.

– Понятно, – отвечал учитель и продолжал посмеиваться, – видимо основная часть обучения проходит на другом плане? Советуешься по части воспитания со своим жуком, Зумм? Ладно, что ты там скрываешь в своей коробочке, открой тайну своему учителю, – Парацельс улыбался в ожидании услышать от Зуммингера признание.

– Не знаю ни о каких жуках, учитель, и тем более, как все происходит с этими гомункулами.

Их первые искусственные существа жили не долго. Эту задачу Парацельс не мог решить еще и потому, что у него было много других интересных начинаний. Зуммингер напротив, очень заинтересовался вопросом продолжением жизни эфемерных существ и сильно переживал, когда, достигнув определенного порога развития, его гомункулы переставали расти и развиваться, а потом медленно таяли. Нет, они не умирали, Зумм считал, что они полностью переходили на тонкий план существования. Переходили или попросту возвращались туда, откуда на время привлекались манипуляциями алхимиков.

Действительно, их действия по выращиванию гомункулов, выглядели очень необычно. Здесь надо раскрыть одну тайну для тех, кто думает, что Парацельс и впрямь верил, что можно создать существо таким примитивным способом, как это описывается во всех книгах. Если кто-то прочтет его рецепт и поверит в необходимость дословного выполнения этой процедуры,

то он наверняка ошибется и разочаруется. В Средние века люди были не менее изобретательными, чем в наши дни, поэтому не стоит недооценивать алхимическое искусство.

Парацельс пробовал производить гомункулов по аналогии с рождением человека. Путем механических и духовных манипуляций привлекал особый вид «небесных семян». Эти самые «небесные семена». Привлеченные действиями алхимика, семена, как замороженные спускались в заранее приготовленную им форму. Затем они прорастали в твердое пространство, насколько это было возможно, и на некоторое время становились гомункулами. Каждый шаг был чрезвычайно важен, но особенно процесс привлечения и выбора определенной группы семян. Никакое последующее воспитание не сможет изменить то, что было изначально.

Зумм несколько раз пытался добиться разъяснений у Парацельса по поводу «небесных семян», но учитель всегда уходил от ответа. Зумм расстраивался, но сейчас он осознал тактику Парацельса, который хотел, чтобы ученик сам ступил на эту дорогу и начал самостоятельно двигаться по пути познания. Зумм считал, что «небесные семена», это невоплощенные души. В то же время у него зародилось сомнение по поводу невоплощенных душ. Может, это категории всем известных существ с темных планов, которые равнодушны к мужчинам или женщинам? Зуммингер продолжал сомневаться и старался понять, кто они? В каждом отдельном случае, размышлял Зумм, они могут принадлежать к разным категориям тонких существ, в зависимости от поставленной задачи. Ему хотелось верить, что пойманные «небесные семена» делают выбор самостоятельно, а задачей алхимика осознать проблемы, вникнуть в ситуацию, понять сущность страданий человека, чтобы помочь провидению выбрать определенную небесную сущность для помощи, было проделано много серий экспериментов. Последний опыт с гомункулом оказался очень эффективным. Зумму удалось призвать небесное семя, из которого появилось особенное существо. Зумм часто вспоминал, как он сразу спрятал его от учителя, сохранив при этом весьма оригинальным способом. Когда он об этом вспоминал, то на его лице появлялась улыбка.

В тот раз Парацельсу показалось, что он наконец-таки достиг успеха. Именно этот образец полностью было, удовлетворил Парацельса, но этот экспонат вскоре исчез странным образом, и он счел это направление тоже неэффективным. После этого все последующие эксперименты пошли по ложному пути. Постепенно Теофраст охладел к производству гомункулов, позволив своему ученику самостоятельно продолжать эксперименты.

Зумм лежал на кровати в соседней комнате с учителем и слышал, как Парацельс ходил по комнате, что-то читал вслух, вздыхал, садился за стол и листал свои рабочие тетради и снова беспокойно ходил. Готовится к приему, – подумал Зумм, закрыл глаза и перед тем, как заснуть решил во всем положиться на мудрость Господа. Пусть будет так, как Он сочтет нужным. После решения этого внутреннего конфликта, Зумм уснул крепким спокойным сном.

Проснулся Зумм от того, что учитель тормошил его за плечо.

– Вставай, Зумм, князь прислал за нами карету.

– Что, и я тоже? – Зумм не ожидал, что Парацельс возьмет его с собой.

– И ты конечно! Как без тебя, Зумм? Представлю тебя, моего ученика, лучшего ученика и продам тебя князю! – рассмеялся Парацельс. – Не бойся, – снова рассмеялся учитель, – у тебя такая родословная, что у князя денег не хватит за тебя заплатить! Надень лучшее, что у тебя есть. Да только смотри, чтобы не выделялся на моем фоне.

– Что вы, – отвечал Зумм и продолжал быстро одеваться. – Я подозреваю, учитель, что вы хотите оставить меня у князя. Мне так показалось, – Зумм вопросительно посмотрел на Парацельса.

Тот задумчиво смотрел в окно. Зумм присмотрелся к учителю и заметил, как блестят его глаза. Это был верный признак того, что учитель смеялся про себя. Явно не к добру задумался этот древний алхимик, – беспокоился Зумм. И он не зря беспокоился. Если учителя разрывает внутренний смех, то дело дрянное.

Дорогие читатели, возможно, это современное выражение для Средних веков не совсем подходит, но главное смысл, так ведь? Вот и хорошо, что вы все понимаете. Согласие в наших рядах, единение мыслей – это залог нормального восприятия. Ни в каких документах вы не найдете информацию о том, что Великий Парацельс «продал» своего ученика. Даже не ищите. Считайте, что упоминание об этом – безответственная придумка рассказчика. А может, Парацельс еще сделает это, кто знает? Еще не время делать выводы. Давайтеждемся результатов их визита к князю.

Парацельс и Зумм сели в повозку, вслед за ними в повозку незаметно проскользнул маленький человечек. Он спрятался под накидкой и замер, чтобы его не заметили. В результате их опытов с гомункулами, на земле явно прибавилось странных существ. Некоторые из них следовали за алхимиками, а другие, искали свою судьбу в других местах.

Ехать было недалеко. Карета была на рессорах, поэтому булыжная мостовая никоим образом не отразилась на самочувствии наших алхимиков.

Зумм изредка поглядывал на Парацельса, посланника, то ли Бога, то ли Дьявола и никак не мог встретиться с ним взглядом. Парацельс был странный особенно в момент своего вдохновения, странный и часто непредсказуемый, он продвигался к цели своим необычным путем. Учитель видел будущее и те дороги, что он выстраивал к нему, были особенные, как и все его рецепты, которые он составлял для больных.

Было мгновение, когда Зумм решил выпрыгнуть на ходу из кареты, но потом, перестал вдруг беспокоиться, и как часто это случалось, отдал себя на попечение Господа. Зумм смотрел на Солнце, что катилось к Западу, и в его душе снова наступал покой. Зумм был счастлив, сам не понимая почему.

Парацельс посмотрел на Зумма и улыбнулся, – не волнуйся, Зумм, не продам тебя, – сказал он и рассмеялся, а потом добавил, – Зумм, ты знаешь, я могу не выполнить обещание, но обмануть – никогда! – Теперь они смеялись вместе над этим веселым каламбуром.

Они ехали вдоль озера, вокруг росли величественные деревья, пахло мокрым берегом озера и камышами. Карета проехала по мосту над глубоким рвом с водой и въехала в замок через ворота. Деревянные стены, здания по кругу, а в центре этой внутренней площади замка были клумбы с цветами и цветущие кусты роз. Князь как мог, пытался украсить жизнь своей семьи – супруги Эллины и трех дочерей. В чем-то он преуспел, а где-то недоработал, иначе, ему бы не пришлось время от времени приглашать докторов для супруги. Доктора применяли то одно лекарство, то другое, но ее хандра только крепла. Князь знал о знаменитом Парацельсе и сразу послал приглашение, как только узнал, что он остановился в его городе. Нельзя было пропустить такой случай.

Князь встретил путешественников сразу, как только они зашли в главное здание замка. В начале этой встречи хочется сразу оговориться и напомнить о времени, когда происходили эти события. Учитывая их давность и слишком краткое повествование в первоисточнике, придется положиться на четкость своей визуализации и перевести речь на привычный язык так, чтобы как можно меньше исказить прошлое, не потеряв основной смысл.

Князь, высокий темноволосый мужчина с аккуратной бородкой и светлыми глазами, улыбался нашим гостям искренни, сияющей улыбкой. По всем его манерам было видно, что князь придерживался прогрессивных взглядов, если так реагировал на скандальную фигуру того времени, алхимика Парацельса. Парацельс сразу понял, князь образованный человек и наверняка любой рецепт в отношении его супруги можно будет осуществить без затруднений и добиться успеха. Поддержка князя обеспечена, решил Теофраст, склоняя голову перед хозяином.

– Рад приветствовать вас и, – князь посмотрел на Зумма.

– Это мой самый лучший ученик и замечательный последователь всех моих начинаний, граф Зуммингер, – видя замешательство князя, Парацельс представил Зумма.

– И вашего ученика и последователя Зуммингера в своем замке, – закончил приветствие князь, – пойдемте, я недавно вернулся с охоты и на столе все самое свежее.

– Спасибо, князь, – ответил Парацельс, – мы чрезвычайно рады такому теплomu приему, надеюсь, нам удастся быть вам полезными.

Князь пригласил гостей в обеденный зал. Там, в большом светлом помещении стоял стол, заставленный всем, чем были богаты владения князя. Конечно, тут была не только дичь, но и говядина, блюда из свинины, окорока, колбасы, ветчина, сыры, соки, несколько сортов местных вин и фрукты. На стенах были развешено оружие, старинные рыцарские доспехи, флаги и герб князя.

– Присаживайтесь, гости, отобедаем, а потом поговорим о нашем деле, – князь, улыбаясь, приглашал гостей за стол.

Они сели на массивные стулья и принялись за еду.

– Попробуйте нашего вина, смотрите, как оно играет в бокале! А какой вкус! – князь поднял бокал с вином и смотрел через него на солнце в раскрытом окне.

Доктора пили вино и восхищались мастерством виноделов, ветчиной, свежей дичью – все было очень вкусным.

– Князь, нас никто так раньше не принимал, – сказал Парацельс, – чувствуется по всему, что у вас серьезные на нас планы, князь. Смеем заранее вас заверить, что мы оправдаем ваши надежды и сделаем все возможное и невозможное.

– Да, Парацельс, я знаком с тем, чем вы занимаетесь, и даже читал некоторые ваши труды. Признаюсь, я потрясен новыми веяниями в медицине. Ваш творческий подход вселяет мне уверенность и дает надежду. Мне не хочется обидеть вашего ученика, но мне надо поговорить с вами наедине, Теофраст.

– Что Вы, князь, – ответил Парацельс, – конечно, так будет лучше. Сами понимаете, если будет необходимо, я сам потом дам ему наставления, – Парацельс улыбнулся. Посмотрел на Зуммингера и похлопал его по плечу. – Но учтите, князь, что именно граф Зуммингер в некоторой части моего учения преуспел больше чем его учитель.

– Неужели? – удивился князь, – и в какой же? – князь с удивлением посмотрел на Зуммингера.

– В самой тонкой части алхимии души, – пояснил Парацельс, – несмотря на свою молодость, он за короткое время смог перенять у меня почти все. Тонкая часть алхимии, что скрыта за областью чувств – вот его сфера деятельности.

– Вы так хвалите своего ученика, что мне неловко теперь обсуждать проблему в его отсутствие. Раз так, то пусть остается. В таком случае, тайна, которой я с вами поделюсь, ляжет и на его плечи и он тоже ответит своей жизнью за ее разглашение.

– Мы согласны, – ответил Парацельс.

– Да, князь, мы сохраним эту тайну и не расскажем ее никому ни под какими пытками, – добавил Зуммингер.

– Тогда, ладно, – одобрительно сказал князь, – садитесь ближе, чтобы нас с вами никто не смог услышать, даже стены этого зала.

Гости придвинулись вплотную к хозяину.

– Дело все в том, – начал князь, – что у нас в отношениях с супругой не хватает клея. Туманная отдаленность нарастает между нами. Или это привычка делает мир пресным или мы все медленно умираем, теряя друг друга, отдаляясь, каждый в свою сторону. Этого не должно быть. Я чувствую, как хорошо можно жить с ней, но невидимая пропасть мешает нам. Да, задача не совсем обычная, но на то вы и алхимики, чтобы справиться с любыми препятствиями. Если поможете убрать между нами непонимание – озолочу, но и за старания тоже не обижу. Можете приниматься за дело. Подумайте, Парацельс и скажите, возьметесь за это или нет?

Учитель задумался, ему не хотелось надолго оставаться у князя и в то же самое время, он не мог ему отказать. Парацельс не сомневался, отношения супругов могут быть замечательными, дело в них самих. Парацельс попросил Зуммингера сходить за саквояжем, который он оставил лакею при входе в здание.

Зумм понял, что учитель желает поговорить с князем наедине. Он встал и пошел за несуществующим багажом. Это у них был такой знак. Договориться вдвоем бывает намного проще, чем в присутствии еще кого-либо.

Когда Зумм ушел, князь спросил Парацельса, – отправили, чтобы не мешал? – Князь улыбнулся, – а недавно вы так хвалили своего ученика!

– Да, князь, Вы очень наблюдательны, действительно мне хочется поговорить с вами без него. Тот рецепт, который я сейчас приготовил, должен начинаться без моего ученика.

– Почему? Разве он плохо Вам помогает?

– Нет, наоборот, очень хорошо. Просто Зумм будет основным компонентом этого рецепта.

– Уважаемый Парацельс, вы хотите порубить его на куски и сделать целебный отвар? – рассмеялся князь, – воистину безграничен набор составляющих у алхимика! И это в наш прогрессивный век!

– Нет, князь, конечно, я не собираюсь делать из него вытяжки и даже волоса не возьму с его головы, ведь он сам, своим сердцем, душой и волей будет вырабатывать тот самый клей, что соединит края вашей пропасти.

– Какая непостижимая медицина! – Восхитился князь, – прежние доктора просто мешали настойки и травы, а вы делаете клей для душ! Уже восхищен Вашим рецептом, доктор! А почему бы Вам самому не сделать этот клей для духа?

– Я уже не молод, князь, – сокрушенно ответил Теофраст.

– Зато у Вас большой опыт.

– Да, вы правы. Только поэтому я и хочу сделать главным исполнителем своего ученика Зуммингера. Из нас двоих только он сможет добыть клей для сердец с помощью своей молодости, страсти, желания и большого опыта алхимика. – Парацельс сделал паузу, а потом многозначительно добавил, – работа, которую предстоит ему сделать, настолько специфична и длительна, что боюсь, мое сердце не сможет выдержать такого напряжения. Да и Вам, князь, мое предложение покажется, по меньшей мере, странным и необычным. Но учтите, другого метода на сегодняшний день я Вам предложить не в состоянии. Зато в его эффективности можете не сомневаться.

– Что от меня требуется? – спокойным и невозмутимым тоном спросил князь. – Когда я приглашал вас, уважаемый Парацельс, то был готов на все, лишь бы вернуть любовь и склеить ту рану, которая сделало время.

– Для Зуммингера надо будет найти комнату рядом со спальней Вашей супруги, – это первое необходимое условие, – Парацельс замолчал, оценивая реакцию князя.

– Продолжайте, – невозмутимо ответил князь, – и не бойтесь обидеть или оскорбить, я ведь Вам уже говорил, что готов следовать любому Вашему рецепту, лишь бы добиться результата.

– Мне бы хотелось кое-что узнать об Эллине.

– Спрашивайте, Парацельс.

– Что ей нравится делать, ну, допустим, любит ли она прихорашиваться перед зеркалом?

– Конечно, как и любой женщине или чуть больше. У нее в спальне есть большое зеркало. Я однажды слышал от Канти, нашей приемной дочери, что Эллина все свободное время проводит перед этим зеркалом.

– Так ли оно необыкновенное, это зеркало в ее спальне?

– Да, оно очень большое, очень яркое, в отличном исполнении из Венеции. Эллина сама великолепно, а видеть себя в зеркале, доставляет ей настоящее наслаждение. Раньше я не замечал за ней такого самолюбования.

– Простите, князь, быть может, вы раньше могли больше уделять ей времени? Такое может быть? И зеркало в какой-то степени заменяет ей Вас?

– Да, Парацельс, пожалуй, вы правы. Интересная версия и совершенно безобидная замена, – князь грустно улыбнулся, – не знаю, что делать и как убрать все препятствия между нами.

– Не расстраивайтесь, князь. Вам надо будет проявить выдержку и хладнокровие. Вы готовы?

– Да, продолжайте, пожалуйста.

– Князь вам надо будет в первую очередь подарить своей супруге свою картину, лучше в полный рост. Эта картина должна располагаться так, чтобы Эллина, смотря в зеркало, видела еще и ваше отражение на картине – это первое, а второе... так вот, следующим необходимым условием будет незаметное отверстие в стене и оно должно быть рядом с портретом.

– Надо же! – воскликнул князь, ну, продолжайте.

– Со стороны ученика, прямо перед отверстием будет закреплена колба.

– Так и что? Что это за волшебный сосуд?

– В этом сосуде Зуммингер и будет выращивать тот самый клей, что склеит Ваши проблемы.

Князь задумался, – конечно, я готов был на многое, но такое мне трудно было себе представить. Значит, этот Зуммингер все время будет наблюдать за моей супругой, так?

– Нет, не совсем, за ней будет наблюдать то, что называется клеем, но отчасти и сам Зумм. Вы же сказали, что выполните мой рецепт, разве этого не было?

– Ладно, так и быть, но она не должна об этом догадываться, как это сделать?

– Вы запрете Зумма в эту комнату и не будете выпускать его до тех пор, пока не увидите эффект. К моему ученику нельзя будет никого впускать. Надо будет только подавать ему еду и воду. Мы подпишем соглашение о неразглашении тайны. Зуммингер не болтливый, а если к вам закрадется хоть малейшее подозрение, то вы вправе сделать со мною и с ним все, что захотите на свое усмотрение. Важно чтобы и вы сами не подавали виду и не говорили никому об этом.

– Сколько потребуется времени для выращивания клея, Парацельс?

– Два или три месяца. Зумм проведет в этой тайной комнате не выходя. Я буду жить там, где вы скажете до завершения лечения. Мое присутствие будет гарантией, а вы раз в десять дней будете ко мне приходить и рассказывать о происходящих переменах или передавать письма. Вот бумага, давайте прямо сейчас и подпишем ее.

– Ладно, а Зуммингер в курсе ваших планов?

– В общих чертах, князь, но он сделает то, что я ему скажу. Необходимо будет еще некоторое алхимическое оборудование для его временной лаборатории.

– У меня еще одно дело к вам, уважаемый Парацельс. Но это для вас будет совсем не просто.

– Что еще, князь?

– Моя приемная дочь постоянно поет грустные песни. У нее огромный талант, но от этой грусти все вокруг пропиталось тоской. Мне хочется, чтобы она стала счастливой. Вы сможете, я знаю.

– Не простая задача, князь.

– Набиваете цену? Не волнуйтесь, с моей стороны все будет, только вы не подведите.

Зуммингер сидел на лавочке рядом с высокими цветущими растениями и смотрел в синее небо. Он немного переживал, хоть и старался оставаться спокойным. Он гнал назойливую тре-

вогу, как собаку, но она снова и снова возвращалась, не смотря на его усилия забыть о Парацельсе и князе.

Что они решат? Что будет? – лаяли озверевшие мысли. Тогда Зумм сделал то, что он делает всегда в таких случаях, он стал рассматривать в данном случае, цветы, небо, вдыхать аромат медоносов и думать о Боге. А потом и вовсе, достал маленькую заветную коробочку, как всегда приложил ее к уху и некоторое время к чему-то внимательно прислушивался. Постепенно сердце снова стало биться ровно и спокойно. Зумм спрятал свой чудный амулет и спустя несколько минут он дремал, вдыхая сладкий цветочный запах.

Сквозь сон Зумм слышал чьи-то голоса. Беседовали две женщины. Он сидел совершенно неподвижно, за кустами роз они не могли его видеть, и поэтому содержание их беседы было весьма откровенным. Зумм слушал и удивлялся, как такое может присниться. Судя по всему, разговаривала знатная особа со своей близкой подругой.

– Тяжело жить с человеком, к которому я совершенно охладела, – жаловалась одна, – это даже не холод, это непонятная стена.

– Да, Эллина, это очень тяжело потерять огонь в сердце уже в таком молодом возрасте.

– Канти, откуда тебе это знать, ты ведь не была никогда замужем? У меня остался этот огонь, но он перестал греть.

– Да, Элли, не была, но я давно рядом с вами и помню, как вы любили друг друга, я все помню и вижу вас каждый день. С каждым днем вы все больше и больше плачете, грустите, а князь или ничего не понимает, или на все махнул рукой.

– Как ты думаешь, Канти, он все еще любит меня?

– Уверена, что да. Вы любите, друг друга, я чувствую это всякий раз, когда вы оказываетесь вместе.

– Тогда почему он стал так часто уезжать из замка, то проверять своих подданных, то на охоту, то еще куда-нибудь? Он совсем меня разлюбил, скажи, что ты думаешь, Канти?

– Нет, Элли, он, как и прежде любит Вас, но уже чуть иначе.

– Может, я делаю что-то не так? Или у него появилась другая?

– Ничего больше не могу сказать, госпожа. У него сейчас очень много забот и он сильно устает. Может, вам надо быть чуть внимательней к нему? Попробуйте, это должно подействовать, хотя, какая из меня советчица и откуда мне знать, что вы делаете правильно, а что нет?

– Наверное, ты права, Канти, но где мне взять то пламя, что было раньше?

– Не знаю, мама, но чувствую, все будет хорошо. Вы помните те далекие дни, когда вы радовались каждой минуте, проведенной друг с другом? Тогда я была совсем маленькой и то помню, как вы смотрели друг на друга.

– И что, Канти, ты еще хочешь сказать?

– А что если это магия зависти? Тогда были посеяны семена, а сейчас, вы уже пожинаете урожай этой зависти.

– Канти, ты говоришь о сглазе?

– Называйте это явление, как угодно, Эллина, от этого смысл не изменится. В княжестве очень много умельцев, способных на это. Семена колдовства разбросаны повсюду и надо только время, чтобы они проросли.

– А еще что надо, Канти?

– Время, долгое время и еще при каждом мгновении, наполненном сомнением, эти семена прорастают и вновь ждут, делают шаг и снова погружаются в небытие, до следующей вашей ошибки.

– Что это за ошибки, Канти?

– Любое грубое слово или мысль, каждое мгновение неуверенности в любви друг друга, медленно возводили преграду между вами. Так случается со многими, богатые они или бедные,

красота – вот, что больше всего привлекает темную часть человеческой природы. Эта часть заводит темные часы смерти всех чувств.

– Канти, – женщина рассмеялась, – ты веришь в магию?

– Я верю в то, что вижу и чувствую, это у меня, наверное, с рождения.

– А как убраться от наваждения, Канти?

– Знаю, что для этого надо быть очень сильным колдуном, которому будут покровительствовать все ангелы.

– Где такого найти?

– Найдется, Эллина, нам надо только молиться и верить.

Женщины встали и медленно пошли по дорожке. Проходя мимо дремлющего Зуммингера, они остановились, и как раз в этот момент Зумм открыл глаза. Зумм увидел перед собой Канти, эту невероятную женщину. Дамы остановились буквально на несколько секунд, но даже этого было достаточно, чтобы Зумм и Канти, увидев друг друга, успели почувствовать дыхание судьбы. Такое часто случается с молодыми людьми, и в этом нет ничего особенного. Сложно сказать, что послужило толчком для возникновения искры в тонком механизме чувств двух людей. Что касается Зуммингера, то его восхищение было вполне понятным, ведь Канти была весьма необычной. Канти обладала атлетическим телосложением – высокая, стройная, при этом настолько гармонично сложенная, как ожившая мраморная античная скульптура. Она была в одежде охотницы, издалека ее можно было принять за молодого воина. Между тем тонкие черты лица, длинные каштановые волосы и серые глаза, дополняли картину воистину северной красавицы. Такие женщины рождаются раз в сто лет, – говорила о ней Эллина. Эллина обожала свою приемную дочь и делилась с ней самыми сокровенными тайнами. Мужчины же побаивались ее сильной красоты. Канти вместе с тем, была невероятно чуткой, но раскаленные угли ее нежной души могли в любой момент вспыхнуть ярким пламенем и ответить горячей любовью, да только не нашелся еще тот влюбленный смельчак, кто смог бы вызвать этот огонь на себя. Эллина всегда относилась к ней, как к своей родной дочери, а иногда сама становилась рядом с ней, чуть ли не младенцем. Природная мудрость и юный азарт восхищал ее.

Зумм встал и поклонился дамам.

– Вы путешественник? Здесь по приглашению моего мужа? – спросила Эллина.

– А может, Вы даже ученик Парацельса? – сделала предположение Канти и улыбнулась божественной улыбкой.

– Да, ученик Зуммингер, к вашим услугам, – пояснил Зумм.

– Я Эллина, супруга князя, а это моя дочь Канти, – Эллина поднялась на цыпочки и поцеловала ее в щеку, – певица и самая красивая девушка на свете. А где Ваш знаменитый Парацельс? – спросила Эллина, – беседует с князем? О чем интересно бы знать?

– Не знаю, госпожа, – ответил Зумм, – я его вообще потерял, уснул, а он куда-то ушел. Если Вы встретите его в замке, скажите, что я здесь его жду.

– Хорошо, Зумм, – ответила Канти, внимательно рассматривая ученика знаменитости.

– Так и скажем, Зуммингер, – ответила Эллина. – Пойдем в замок, Канти, споешь мне что-нибудь, а заодно посмотрим на знаменитость.

– До свидания, Зуммингер, – попрощалась Канти и еще раз внимательно окинула его своим взглядом, да так, что у Зумма забилося сердце, словно за ним гналось стадо быков. Эти глаза, фигура, длинные темные волосы. Она само совершенство, – думал он, смотря им вслед. Никогда не встречал такой красивой женщины. Зумму вообще нравились высокие женщины, но Канти была самой высокой, самой красивой, грациозной и загадочной. Зумм уселся на свое место, достал заветную коробочку, потряс ее и приложил к уху. Он слушал комментарии по этому поводу своего тайного советника и улыбался. В этой тайной коробочке был слышен чей-

то голос, можно было разобрать только несколько последних слов: «совершенная женская красота». Зумм снова постепенно задремал.

– Вставай, просыпайся, Зумм, – Парацельс стоял рядом с Зуммом, – спишь? Это отлично! У тебя крепкие нервы, молодец!

– Учитель, это у князя такое успокаивающее вино, – ответил Зумм, пытаясь скрыть истину и не отдать свою замечательную черту на растерзание Парацельса.

– Хочешь меня обмануть? – улыбнулся Теофраст, – не хочешь, чтобы я обокрал тебя? Понятно, боишься потерять способность абстрагироваться от этого жуткого мира?

– Учитель, чем закончилась встреча? Вы продали меня и за сколько?

– Не продал, но нашел для тебя интересную работу. Какую именно, скажу после, и не здесь. У нас есть время подготовиться. Пойдем, карета уже ждет нас, – сказал Парацельс, помогая подняться Зумму. – Сегодня был очень напряженный вечер, но все прошло хорошо. Мы с князем обо всем договорились. Пойдем, а то я тоже устал.

– Я познакомился с двумя очаровательными женщинами, пока ждал Вас, учитель.

– И какая тебе приглянулась, Зумм? – учитель внимательно посмотрел на ученика, – высокая или маленькая? Ну, говори, не стесняйся, – подбадривал его Парацельс. – Раз молчишь, значит высокая, да?

– Да, учитель, – чуть слышно ответил Зумм.

– Я слышал, ее зовут Канти и она замечательно поет. Если тебя смущает ее рост, Зумм, то на самом деле, это не так важно. Главное не разница в росте, не это разлучает и отпугивает людей друг от друга. Любое несоответствие скорее притягивает, особенно, когда это касается вопросов пола. Все складывается замечательно, Зуммингер, само провидение помогает тебе, мой выдающийся ученик!

– Не совсем понимаю, Вас, учитель, что тут хорошего, но, зная Вашу способность предвидеть многие мелочи предстоящих экспериментов, попробую разделить Ваш оптимизм.

Парацельс рассмеялся, – расслабься, Зумм, сегодня вечером мы подробно обсудим наше дело.

Зумм промолчал, чувствуя, что учитель раньше вечера раскалываться не собирается. Придется ждать, – думал Зумм, и настроение его портилось несмотря, ни на что.

Вечером они сидели в темнеющей комнате, зажгли свечи. Теофраст поставил на стол вино – подарок князя, и они начали обсуждать предстоящее дело.

– Учитель, последнее время вы стали увлекаться питием, – сказал Зумм, наливая в стакан вишневое вино, – ученику не положено обсуждать недостатки учителя, но факт есть факт!

– Зумм, не стоит обращать внимание, тебе сейчас надо думать о другом.

– О чем же?

– О том, о чем ты всегда думаешь, только несколько иначе. В нашем деле тебе отведена главная роль алхимика, будешь прививать любовь Эллины к князю. Твоя задача правильно направить их чувства, а для этого примени то средство, которым ты хорошо владеешь. Даже не стану пояснять, что тебе для этого понадобится, иначе, ничего не получится. Так всегда случается, если изначально придерживаться намеченного плана. А вино хоть и местное, но не плохое, – добавил Парацельс, в очередной раз, доливая себе и Зумму.

Дальше их разговор не касался нашей темы, поэтому мы их оставим, а заглянем в спальню Эллины.

Пелена

Так, князь явно где-то задерживается, в спальне была только Эллина. Давайте посмотрим, как она там? Насколько это будет прилично заходить в спальню без спроса? Тот, кто не желает этого делать в силу своих твердых принципов, могут остаться за дверью, их мы неволишь не собираемся. Остальные пойдемте за мной смелее, ведь впереди нас ждут еще более откровен-

ные моменты. Рассказчик, как ни прислушивался, так ничего не услышал, никаких упреков или осуждений, единственно, что ему удалось услышать, это нетерпеливые удары сердца на фоне затаенного дыхания. Ну, раз нет громких протестов, и никто не собирается простаивать за сценой, то тогда продолжим наши совсем нескромные наблюдения.

Перед сном Эллина зашла в детскую комнату, поцеловала сонных детей и вернулась к себе в спальню. Спальня была хорошо освещена свечами, было тепло. Эллина откинула одеяло. Она была совершенно без одежды. Спать без ничего так удобно! Ничто не стесняет дыхание, и тело вдыхает запах ночи всеми своими клеточками. В этом отношении Эллина была женщиной прогрессивной, делая все возможное, чтобы, не смотря на древние века нашего повествования, держать свое тело в идеальной чистоте. Сейчас она лежала на спине и чувствовала, как легкий ветерок поднимается по ногам, обволакивает полные бедра, потом теряется в легком пушке и затем вновь, окрыленный своей находкой, бежит по животу вверх и совершенно обессиленный, засыпает на розовых сосках.

Эллина улыбнулась, потянулась и медленно села на постель, потом медленно встала, подошла к большому зеркалу и стала рассматривать в нем чудесную незнакомку по имени «Я». Она вспомнила, как это зеркало подарил ей князь Альберт, чтобы она могла в любое время любоваться собой. Он привез его из самой Венеции, такое большое! Ни у кого в мире не было такого!

Эллина легла, продолжая держать в воображении свое отражение. Князь не приходил и сон тоже. Все зеркала волшебные, а мое особенно, – думала она, – зеркало, это еще один мир. А что если тот мир разлучает меня с Альбертом, постепенно и незаметно? Тогда он может сделать и обратное. Она вернулась в свою постель в расстроенных чувствах, не в силах собрать мысли в стройный ряд и что-то решить для себя.

– Что делать, – сокрушенно прошептала она, – князь и сон приходят вместе. Еще некоторое время в спальне была тишина, затем ее дыхание стало громким, еще чуть-чуть и все стихло. Сон пришел к Эллине без участия князя.

А где все-таки владелец всего этого шикарного имения? Неужели он вот так бессовестно решил изменить красавице супруге?

Нет, Альберт увлекся рыбной ловлей. В озерах, что были вокруг замка, водилось много рыбы, и князь последнее время пристрастился к рыбалке. Все страсти князя были на редкость безобидными, и это его супруга понимала умом, но не могла принять своим сердцем. А сердце шептало ей даже во сне: «не любит, не любит, не хочет». Тише, тише, безумное, – пыталась она укорять его во сне, но этот пылкий нетерпеливый орган еще долго выстукивал подобные фразы.

Эллина крепко спала. До утра она не вспоминала эти обидные подозрения своего сердца. Она не вспоминала, но тяжесть в груди будет ей напоминать до самого вечера о ночной тревоге, обиде и сомнениях.

Было совсем поздно, а князь сидел на берегу, рядом с горячим костром. Было тепло, и князь задремал. Тепла не хватает тепла, – размышлял он, – Эллина чудесная женщина, но с какого-то времени, как ему показалось, она охладела к нему. Альберт не знал, что делать. Последние годы его душа редко когда обретала покой и радость. Даже сейчас, на несколько мгновений он не мог отвлечься и почувствовать в полную силу красоту этой лунной ночи, не мог отдаться чуть слышному шелесту воды и расслабиться у горячих углей костра. Альберт чувствовал, как она ждет его, но в то же время, в очередной раз, он не хотел идти, боясь разочарований своих надежд. Князь, учитывая свое положение, мог позволить себе быть иногда сентиментальным и нерешительным.

Совсем поздно он вернулся в замок. Перед тем, как лечь спать, он зашел в спальню к супруге, надеясь сам не зная на что. Она спала, почти совсем скинув с себя одеяло. Князь попытался нежно ее разбудить, но она лишь повернулась, сказав, – уже так поздно, милый я так долго ждала тебя и совсем устала.

– Я скоро должен буду уехать на несколько дней, Эллина.

– Я буду скучать, Альберт, – ответила она словами, не вкладывая в них совсем своего сердца, – решил князь.

– Чтобы ты не скучала, я бы хотел поставить у тебя в спальне свой портрет, ты не против?

– Ну, что ты, конечно. Я буду смотреть на него, а он на меня. Мне так нравится, когда ты смотришь на меня, Альберт. Я совсем засыпаю, в следующий раз приходи раньше.

Эллине было приятно, что он все еще думает о ней и все-таки тревожится. У нее даже мелькнула в тот момент надежда, что у них все будет хорошо. Зеркальный мир нас разъединит, он же соединит обратно, – думала она сквозь сон, и представляла, что теперь хоть так, но они будут вместе. От этих мыслей ей снова стало хорошо.

– Давай спать, любимый, – прошептала она и снова крепко уснула.

Эллина бывает нежная со мною только во сне, – думал Альберт, – как только она скидывает пелену сна, то все меняется.

Еще одна тоскливая ночь впереди, думал князь, восхищаясь роскошным телом, Эллины. Он никак не мог отвести взгляд от ее гладких ягодич, красивой спины...

Ему очень хотелось ее разбудить но, представив ее отказ, решил не делать этого, а наслаждаться ею так, как часто он это делал, глядя на нее сонную и желанную.

Альберт возвращался к себе в спальню в дурном настроении, в очередной раз разозлившийся на самого себя. Странное дело, – думал он, – эта пелена, что скрывала ее нежность, утолщалась с каждым годом все больше и у меня самого не хватает сил, чтобы убрать это невидимое препятствие между нами. Явно между нами встала чья-то злая воля. Зато сейчас появилась надежда на Парацельса. Надо будет сделать все так, как он скажет, другого выхода у меня нет.

Этой ночью он составлял план перестройки комнаты, которая находилась рядом со спальней супруги. Вопросы политики оставались на последних планах, когда мысли затрагивали сердечные дела Альберта. Князь размышлял, как незаметно обустроить жизнь алхимика – затворника. Видимо, придется доверить это дело своей тайной службе, – думал Альберт. У него было несколько полностью доверенных лиц, которым он мог поручить любое дело без опасения огласки.

На следующий день, тайная служба князя была полностью задействована. Пока Эллина занималась детьми, умельцы устроили все так, как им сказал князь. В стене спальни, напротив зеркала, повесили портрет князя, а рядом, среди лепнины, было сделано незаметное отверстие. В комнате алхимика, к этому месту была приставлена стеклянная колба на полке. Туда же, к алхимику было помещено кое-какое оборудование. Место его временного заточения к вечеру было готово, и служба доложила о проделанной работе князю.

В душе Альберта царила полнейшая неразбериха. Как я мог ввязаться в эту авантюру? – думал он. – Этот Парацельс недаром имеет странную славу проходимца! Но зато в его практике случаются воистину настоящие чудеса! Как он смог убедить меня и как я решился? Дать наблюдать, пусть даже через колбу, за собственной женой! Но с другой стороны, – размышлял князь, если не испытать это средство, пока есть такая возможность, то как быть дальше? Эта стена обоюдного непонимания и разлада, крушит всю мою жизнь! Другое дело, если она была бы мне безразлична, но все как раз наоборот! Альберт сидел у себя в кабинете, но никакие мысли о хозяйстве не могли перебить размышления об Эллине. Какая она чудесная! – думал Альберт, вспоминая ее формы. Он вспоминал, и теплая волна начинала биться о его сердце.

А если что не так, ров вокруг замка глубокий, – сделал он заключение своим сомнениям. – Если сейчас не поделюсь этой красотой, то в ближайшем будущем придется отдать ее навсегда. Так решил князь и послал Парацельсу гонца с письмом. Посмотрим, если все наладится, сделаю Зуммингера своим личным врачом.

Вот так не просто далось князю соглашение на этот странный эксперимент. На определенном моменте отношений, – размышлял прогрессивный князь, – должно быть что-то, что может сдерживать двух людей, привыкших и уставших друг от друга. Видимо, природа человеческая несколько иная и поэтому тяжело выносить это нескончаемое плавание на одном корабле, посреди бескрайнего океана. Здесь должно присутствовать нечто, для оживления чувств и желаний, – размышлял князь. Князь часто вспоминал свои путешествия в юности и особенно путешествие в Индию. Когда он возвращался оттуда с маленьким ребенком, то однообразное длительное возвращение, совершенно не угнетало в присутствии Канти. У меня замечательная дочь, – улыбался Альберт, вспоминая ее божественный неземной голос.

Вечером Парацельс и его ученик были у себя в гостинице, в ожидании решения князя.

– Так как все будет происходить, учитель? – спрашивал Зумм Парацельса.

– Подожди, еще рано обременять твой мозг излишними заботами, пока не придет письмо от князя. Я стараюсь не расхотеть тебя понапрасну, для целенаправленного удара.

– Все так серьезно, учитель? В Ваших руках я чувствую себя одним из ингредиентов новейшего рецепта. Подбирать и складывать элементы человеческой воли, наверное, высшее достижение душевной алхимии, учитель. Как это, наверное, сложно и интересно!

– Да, Зумм, не просто, и очень ответственно. Давайждемся ответа Альберта. Нельзя сейчас говорить об этом, потому, что на это уйдет часть нашей энергии, она потратится впустую, а для нас это сейчас непростительные траты, поверь мне.

Парацельс медленно пил вино и поглядывал в окно. Он чувствовал, князь обязательно согласится. Уверенность в успехе наверняка успела передаться ему.

– Вот допью этот бокал, и прискачет гонец, – загадал Парацельс, – вот проскакал над рвом, я чувствую это.

Оставался последний глоток, когда за окном раздался стук копыт.

– Гонец! – закричал Зуммингер.

– Отлично, – ответил Парацельс, допивая вино.

В дверь постучали.

– Зайдите, – громко сказал учитель.

Дверь открылась, и они увидели худощавого молодого человека с конвертом в руке.

– Парацельс Вы? – спросил гонец, глядя в глаза Парацельсу.

– Да, это я, – ответил Парацельс и поднялся навстречу гонцу.

– Ваш пакет, – гонец передал пакет, – ответ будет?

– Да, сейчас, присаживайтесь, – пригласил гонца Теофраст, – хотите вина?

– Нет, спасибо, я на службе.

Парацельс распечатал письмо. Там было написано следующее: «я согласен, приезжайте утром, господин Парацельс, оговорим детали нашего дела».

Учитель достал заранее подготовленный ответ и передал гонцу.

– Вот, это мой ответ.

Молодой человек взял письмо и ушел. Парацельс улыбнулся, подошел к ученику, похлопал его по плечу и сказал, – Теперь ты вправе узнать подробности твоей предстоящей работы.

Зуммингер придвинулся к учителю.

– Так, – начал Парацельс, – тебе надо будет в течение двух – трех месяцев вновь сблизить князя и его супругу. Для этого ты должен будешь все это время находиться в комнате, рядом со спальней Эллины. Еще я дам тебе простынь с постели князя и Эллины после их последней встречи. Не знаю, насколько в данном случае надо следовать моему рецепту? Но хуже не будет, ведь для тебя, моего опытного ученика, эти ритуалы – давно пройденный этап, они впитались в твою кровь и стали лишними деталями в твоей работе, но ладно, все равно, пусть останется. Между спальней Эллины и твоей комнатой будет незаметное отверстие. У стены,

рядом с этим отверстием будет твоя колба, в которой ты будешь проводить опыт. Ты не должен будешь выдавать себя ни звуками, ни действиями. Учти, это очень большая тайна. Надо оставаться все время чрезвычайно внимательным и осторожным все время эксперимента. В дальнейшем ты сам будешь решать, что и как делать, понятно?

– В общих чертах, учитель, надеюсь, мне удастся все сделать, как надо.

– Зумм, ты осознаешь всю опасность твоего положения?

– Нет, видимо, не совсем, потому, что мне весело.

– Понимаю, ты думаешь, что будешь тайно наблюдать за ней? – Парацельс рассмеялся, – не думаю, что это принесет тебе удовольствие, но твоя реакция замечательная. Это отличный знак, Зумм. Еще Зумм, я хочу, чтобы ты воспользовался благоприятным положением вещей в спальне Эллы. И наш самый большой козырь – зеркало. Зеркало большое, прямо из Венеции, на противоположной стороне висит портрет князя и как раз рядом с портретом и будет отверстие. Твоему клею придется смотреть в зеркало, в котором всегда отражается портрет князя Альберта. Когда Элла будет смотреться в зеркало, то обязательно будет смотреть на князя тоже. Представляешь, как тебе повезло, Зумм! Ты родился под счастливой звездой! Есть большой шанс для успешного проведения эксперимента. Я сделал все, что смог, теперь дело за тобой, Зумм.

– Спасибо, учитель, – задумчиво произнес Зумм, – думаю, этих условий уже более чем достаточно для предстоящего опыта. В таких благоприятных условиях, почему бы Вам самому не взяться за это дело? Если оно заранее выигрышное? – рассмеялся Зуммингер.

– Зумм, это не для меня. Я не смогу правильно воспитать клей, – Парацельс подмигнул Зумму, – а у тебя он есть, почти готовый. Лучше тебя никто это не сделает. Ты натура чувственная, – Парацельс рассмеялся, – вот тебе и карты в руки! И не забывай пользоваться ширмой, а лучше вообще не зажигай по вечерам свечи, чтобы Элла ничего не заметила огня в своем зеркале. Дело не простое, дело темное, огонь может нам только навредить. У тебя все должно получиться, а теперь за наше мероприятие! Парацельс наполнил два бокала вином, – за нас, Зумм и за твое будущее, – яркое и светлое!

– Учитель, говорите, что дело темное, а будущее яркое и светлое! Как такое может быть?

– Здесь нет противоречий, мой любопытный ученик, если встать перед светом, то за нами образуется тень. Это естественно, в этом нет противоречий, а мы с тобой должны использовать истинную природу вещей, а не вымышленную. Иначе результата нам не видать. Потом все поймешь, Зумм.

Зумм пил вино и как всегда в такие моменты думал, – положусь на милость Бога, – после этого он медленно наполнился тихим спокойствием. Он не стал сейчас вникать сейчас в тонкости предстоящей работы, это было в данный момент невозможно. Практика и теория – совершенно разные вещи. К тому же, слова и даже мысли могли заслонить от Зуммингера истинное положение вещей и способы осуществления алхимической задачи. Зумм отослал все вопросы на тонкие планы, где рождаются все наши начинания. Теперь Зумм только улыбался, наблюдая, как учитель, изрядно напившись, нес какой-то бред. Зумм спал с открытыми глазами и улыбался во сне этому безумному алхимику, человеку века.

Казалось бы, как этим алхимикам удавалось дурачить людей? Обыкновенный гипноз или внушение. Простите за комментарии, но наши герои сейчас упились вином и совершенно отказываются продолжать историю дальше. Не оставлять же лист чистым? Или послушаем их магическую болтовню? Нет, не успели, они по-настоящему уснули. Посмотрим, как их встретит утро. Ну, а чтобы не тратить время впустую. Посмотрим, что происходит в замке под покровом ночи. Слава Богу, люди все уснули, и нам не придется лишний раз бесстыдно подглядывать за их нежными делами. Но зато не спят другие обитатели этого замка. Помните, когда Парацельс и Зуммингер приехали первый раз в замок, то их сопровождал маленький человечек. Это был домовый Стоун. Он всюду следовал за Парацельсом, интересуясь по пути всем, чем можно, но

больше всего его привлекали всякие тайны. У всех у нас есть свои странности и пристрастия. От этого никуда не деться. Мелкий народец не исключение из общего правила. Стоун был в душе кладоискателем и всюду, где только мог, он искал тайники с ценностями. В этом замке этот кладоискатель начал свою работу с изучения архивов в библиотеке князя. Только потом, когда удастся что-нибудь выяснить детально, Стоун собирался вооружаться киркой и лопатой, и раскапывать сундуки с золотом и серебром. Ночь, тишина библиотеки. На самой высокой полке примостился Стоун со связкой свечечков, медленно просматривая древние фолианты и последние записи. Вот так, незаметно прошла ночь.

Утром Теофраст и его ученик были бодры и веселы. Вино от князя усвоилось без остатка и поэтому никакой разбитости или головной боли не было, что делает честь местным виноделам.

– Я поеду к князю смотреть твою будущую келью, – сказал учитель и стал собираться, даже не позавтракав, – ты отдыхай, впереди у тебя долгие месяцы медитации и работы, отдыхай, – рекомендовал он своему ученику.

– Как скажете, учитель, – ответил послушный Зумм, усаживаясь завтракать. Лучше вообще ни о чем не думать, – произнес мысленно свою формулу Зуммингер. – Удачи, учитель, – крикнул Зумм напоследок Парацельсу.

Парацельс взял извозчика и скоро был уже в замке. Его проводили в кабинет князя. Альберт встал, поприветствовал Парацельса и усадил его рядом.

– Как проходит подготовка комнаты для моего ученика? – спросил Парацельс.

– Все почти готово, пойдемте смотреть, – ответил князь.

Князь повел Теофраста по коридору, потом открыл одну из комнат, – вот проходите сюда, смотрите, здесь два маленьких помещения и одна большая комната. В маленькой – туалет, кухня, а в большой место для работы вашего воспитанника. Эту дверь, куда мы вошли, закроют сразу, как только зайдет ваш ученик. Подавать, и убирать будут через дополнительные отверстия в маленьких помещениях. Есть два маленьких окошка, света достаточно, только как он выдержит это заточение?

Парацельс рассматривал помещения и удивлялся, –

– Ничего, выдержит, а скажите мне, как вы решили для себя эту щекотливую проблему? – спросил Парацельс, глядя на князя. – Наверняка было не просто, так? Очень немногие способны были бы сделать этот шаг, верно?

– Да, Парацельс, это было очень и очень не просто. По моим наблюдениям, люди делятся на созидателей и разрушителей с самого рождения. Восприятие красоты свойственно только созидателям. Я пытался осознать, кто я? Судя по моим делам, я созидатель, но в случае с супругой, я часто чувствую себя разрушителем. Это не правильно, этого не должно быть, думал я, пытаюсь разобраться в этом несоответствии. Я понимаю, что скрывать красоту, это самое настоящее преступление! Если, допустим, я спрячу картину великого мастера в подвале от всех на свете, и она там заживо сгниет, то я стану преступником. Ведь если даже картина и не погибнет, то целое поколение будет лишено возможности видеть это творение!

– Отлично, князь! Как хорошо вы связали две эти вещи! – воскликнул Парацельс, – главная задача, перед тем, как принять решение, сложить все в голове и тогда все пойдет, как надо! Но простите, я вас перебил, продолжайте!

– Она красивая, настолько красивая, что не осознает это. Даже я боюсь до конца осознать, что это так! Как я могу держать ее в этом склепе? Быть может, от этого, у нас все так неправильно идет в наших отношениях? Они рушатся от того, что красота не находит выхода. Я так мало посвящаю ей своего времени, хотя если бы мог, то любовался ею каждую минуту и каждую минуту мог бы находить в ней все более совершенные детали и нюансы.

– Я восхищен Вами, – ответил Парацельс, – заверяю Вас, что наши общие старания не пройдут зря, я уверен, что все получится. Комната оформлена очень хорошо, кроме того, Вы

созидатель во всех областях, вне всяких сомнений! – Парацельс посмотрел на шкафы с книгами в комнате будущего отшельника.

Альберт увидел, что заинтересовало Парацельса, сказал, – Это я подобрал вашему ученику из своей библиотеки. Здесь все по алхимии, магии, физике, географии, конечно же, по медицине все, что нашел. Два стола, кровать для затворника, а в том шкафу, – Альберт показал рукой на шкаф с книгами, – все по химии, что было в городе, а еще медицине. А это самое важное, – князь подошел к стене, за которой была спальня Эллины, – вот маленький столик, стеклянная колба. Там скрыта самая красивая женщина в мире, колба смотрит в спальню как раз между зеркалом и картиной, на которой изображен я. Что-нибудь еще понадобится, Парацельс?

– Да, Ваша простынь и Вашей супруги, но не стиранные. Найдете?

– Да, сегодня же будут лежать здесь, у затворника. Когда Вы привезете его, сегодня?

– Да, как только здесь будут простыни, то я помещу сюда Зуммингера чтобы начать работу. Волнуетесь, князь?

– Да, особенно если учесть то, что я на несколько дней буду вынужден уехать.

– Не волнуйтесь князь, напомните, чтобы ваша тайная служба не забывала кормить моего ученика.

– Не забудут, не посмеют, теперь, это самая важная часть их работы.

– Да, князь, если будет такая возможность, то Вам лучше задержаться чуть дольше в поездке, я буду Вам писать отчеты о проводимом мероприятии.

– Хорошо, Парацельс, если это необходимо для дела, то почему бы и нет?

– Я буду во время эксперимента в Вашем городе, князь, чтобы контролировать все дела.

– Конечно, вот вам аванс, – князь достал мешочек с монетами, – этого пока будет достаточно, я уверен.

– Спасибо, князь. Мы оправдаем Ваши надежды.

Эллина.

Как там поживает Эллина? Эллина – главная причина всей этой суеты, тревог и беспокойства.

С обеда она в саду замка. Рядом Канти и еще две женщины, присматривающие за детьми. Действительно, если убрать из этой истории Эллину, то и писать дальше будет не о ком.

Княжна с утра была на взводе и всякий раз, при малейшей оплошности детей или прислуги, сладко спускала своих собак на виновника, нарушившего одного ей ведомой идиллию. Ей невероятно сложно было сохранять внутреннее состояние гармонии и спокойствия. Князь иногда в шутку называл ее женщиной неба. Так он нашел способ избежать употребления к своей ненаглядной более крепких и точных выражений. Последнее время, слова «женщина неба» звучали часто, как никогда. К тому же, Альберт собирался отъехать в соседнее княжество по делам. Это было поводом для гнева Эллины.

Вот смотрите, снова получилось чудесное словосочетание – звучное и точное – гнев Эллины. Буд-то эти слова должны звучать неразлучно. Да, это нормально, красота не дается безнаказанно. Вот и ее Господь наградил таким характером. Что тут делать? Да и где взять хороший характер, если вечное неудовлетворение не давало ей возможности посмотреть на ситуацию со стороны или просто сосредоточиться. Кто-то в будущем скажет «в человеке все должно быть прекрасным». Да, должно, но с точки зрения человека, который всего лишь очередное, изначально несовершенное творение Господа, допустимо такое мнение.

С другой стороны, зачем красивой женщине золотой характер? Он только оттянет на себя ее красоту и некогда красавица с дурным характером станет дурнушкой – когда надо веселой, когда надо рассудительной. Такого мнения Парацельс не придерживался, он вообще на все имел свою точку зрения. Так как он не следовал общему мнению, он мог делать весьма

необычные вещи. Парацельс конечно знал о характере Эллины и только поэтому решился на такой эксперимент. Парацельс считал, что проявление дурного характера у красоток, следствие недостатка внимания и восхищения совершенством окружающих. Владея ключами от слабости личности, можно совершать чудеса.

Недостаточное внимание со стороны князя, по многим причинам, делали ее гнев с каждым годом все насыщеннее и ярче, что в свою очередь, еще больше удаляло их друг от друга.

Ее приемная дочь Канти до сих пор еще кое-как гасила ее вспышки. Она старалась направлять ее внимание на медитацию, всячески отвлекала и уводила ее молнии от живых людей, но в последние месяцы делать это стало очень сложно, практически невозможно. В сердце Эллины накопилось столько электричества, что порою, она буквально светилась, не в силах сдержать свой вулкан.

Князь легко мог силой выпрямить ситуацию, как он обычно и действовал в жизни, но здесь, он хотел, чтобы ее сердце само пришло ему навстречу, без глупого и тупого насилия. Альберт так измучился, ожидая невозможного, что принял авантюрное предложение Парацельса.

Князь сам менялся в плохую сторону от этих вечных страданий, наблюдая, как тонет в болоте непонимания и нарастающего отчуждения своей супруги. Альберт не боялся ставить перед собой сложные задачи, ведь растопить нордическую сущность Эллины, придать ей нежность и тепло, было ой как не просто. Князь хандрил от непосильной ноши и сейчас, когда его карета выезжала из ворот замка, он опять и опять думал об Эллине.

С одной стороны, эти мысли его утомляли, а с другой, решительно настраивали на предстоящую беседу с соседним князем по территориальным вопросам. Князь давно это за собой подметил и сейчас смеялся над самим собой. Вот, – размышлял он, – и здесь тоже пытаюсь найти для себя пользу, в самой неподходящей ситуации, это явно мое положительное качество.

Кто-то считал князя нервным и несдержанным, кто-то подлым и жестоким, но много было таких, кто видел в нем доброго и отзывчивого человека. Диапазон его настроев и подходов был широк, как морской горизонт, а шкала эмоций была бесконечной и уходила из одного недостижимого края в другой. Именно поэтому ему удавалось нравиться Эллине, ни смотря, ни на что. Ведь были времена, когда их отношениям завидовал сам король! В самом начале их супружеской жизни, князь направлял ее вспышки то в одну, то в другую сторону, оставаясь при этом в тени ее нежной, чуткой любви. Постепенно проблемы решались, и теперь на поле битвы Эллины остался только он сам. Вот так, убирая все проблемы, он навредил самому себе. Князь нашел индианку Канти и она смогла еще какое-то время сдерживать ситуацию, но и этот выход из ситуации был временный.

Не встречая никого на своем пути, Эллина теперь все четче направляла свое жало против супруга. Вначале это происходило неосознанно, а потом стало вполне заметным и ощутимым явлением. Да как же еще можно было ей реагировать на все, что происходило между ними?

Альберт обращался за помощью к знахарям и колдунам, чтобы те сняли возможную порчу, но все было бесполезно, тучи продолжали сгущаться.

Князь глубоко задумался над своей странной историей и не знал, что ему уже делать. Оставалась только надежда на Парацельса и его ученика. Они были последним рецептом его спасения, способные противопоставить человеческой природе, знания алхимиков и простую надежду.

Постепенно, расстояние и усталость нарастали, закрывая собой все печали Альберта. Пора было сосредоточиться на хозяйственных делах, а мы в это время посмотрим, как обживает свою келью Зуммингер.

Личная охрана князя провела Зумма в его новые апартаменты и крепко заперла наружную дверь. В большой комнате Зуммингер увидел два окна с решетками, в двух маленьких помещениях были только небольшие отверстия в стене для его жизнеобеспечения. Было еще

одно отверстие в стене в спальню Эллины, перед которым была прикреплена колба. Вот, это теперь все, что связывало его с внешним миром.

С собой Зумм взял сумку со склянками, порошками, травами. Парацельс положил ему туда еще несколько чистых тетрадей и чернила с перьями, чтобы он делал записи своих опытов. Еще на столе, как предупреждал Парацельс, лежали простыни. Зумм посмотрел на них и задумался о том, что сейчас ему предстоит делать. Относиться к этому как к колдовству было бы не верно, – размышлял молодой алхимик, – нет, это будет потоком вдохновения, порывом свежего ветра, а не пылью этих простыней. Зачем вообще Парацельс распорядился их сюда принести? Ну, да ладно, учителю виднее и судьбе тоже! – улыбнулся алхимик, – он постарался найти в своей голове нужную мелодию и тут же буря сомнений улеглась. В его сердце установилась чудесная теплая и спокойная погода. Надо беречь силы, – думал он, – гнев и сомнения в своих действиях обрекают на неудачу. Этого быть не должно.

Хоть до темноты было еще далеко, Зуммингер сразу лег на кровать и уснул. Даже его нервная система, привыкшая к чудачествам своего знаменитого учителя, не выдержала напряжения и тут же отключила его мозг. Его сны были глубокими и совершенно черными. Сон, это лучшая подготовка к любому мероприятию.

Этим утром Эллина смотрела из окна, как муж готовился к отъезду. Он сам осматривал лошадей, колеса, о чем-то беседовал с вооруженным сопровождением. Изредка он поворачивался и смотрел на окна Эллины. Эллина в этот момент пряталась за занавеской, но в самый последний момент, когда князь уже был готов ехать, Эллина отдернула штору рукой и крикнула, – возвращайся быстрее, удачи!

– Спасибо, Эллина, береги себя и детей! – крикнул Альберт и захлопнул дверцу своей легкой походной кареты.

Потом, свист кнутов, топот лошадей и все. Эллина стояла и смотрела на внутренний двор замка, цветник и тоска подкрадывалась к ее сердцу. Всякий раз, когда Альберт отлучался, она тревожилась за него. Тревожилась и сама удивлялась, что так относится к нему, хоть и успела уже остыть к супругу. Из влажной глубины к ней подкрадывались слезы. Почему бы и нет? – подумала она и позволила этим соленым капелькам течь непрерывно, пока она думала о нем, о своем замечательном и неповторимом Альберте – спокойном, вдумчивым и нежным.

Затворник.

Во сне Зуммингер готовился к предстоящей работе. Он входил в то особенное состояние, когда возможно многое. Прежде чем заряжать колбу, Зумм решил выбрать нужное небесное семя. Семя должно лечь на подготовленную почву, – улыбался Зуммингер, когда погружался в сновидение алхимика.

Зумм сидел за длинным столом. На столе была самая простая еда и прозрачайшее виноградное вино. За столом сидело очень много мужчин в легких накидках. Тот, что был во главе стола – светловолосый мужчина, с правильными чертами лица и голубыми глазами, указал всем на Зуммингера и сказал, – пришел выбирать для своего клея, алхимик, – сказал и рассмеялся, – неужели тебе недостаточно для этого твоего тайного стекла, Зумм? Зачем тебе нужен еще кто-то?

Все сидящие заулыбались, поглядывая на Зумма.

– Нужен клей для Эллины и Альберта? – спросил Зумма, сидящий рядом молодой человек, – я мог бы помочь тебе, Зумм, – предложил он и выжидающе посмотрел на алхимика.

– Надо сблизить их, чтобы они снова начали испытывать любовь друг к другу, как и раньше – не боясь, и не стесняясь, проявлять свои чувства друг к другу.

– Принимай, принимай предложение, Зумм, – громко сказал главный за столом, – Айко не подведет, да и засиделся он совсем тут без дела. Там, где нужна любовь, без Айко не обойтись, Зумм, соглашайся, вы ведь и так хорошо уже знакомы.

– Да, конечно, я согласен и буду ждать тебя на подготовленной почве, – ответил Зуммингер, и пожал протянутую ему ладонь Айко.

– Мне давно хочется пожить на твердом плане, сказал Айко, а твое стекло не дает мне простора для моих желаний, можно я буду твоей темной частью, Зумми? Так хочется потрогать эту жизнь, эту материю своими руками!

– Ты нужен мне только на время, Айко, пока Эллина и Альберт снова не станут одним целым.

– Ты хочешь склеить их с моей помощью?

– Да, всего лишь свести края раны, а ты хочешь остаться надолго?

– Да, – загрустил Айко, – но и так не плохо.

– Разве гомункулы могут надолго оставаться на земле?

– Я помогу тебе, Зумм, но с одним условием, если ты пообещаешь, что ты или твои потомки дадут мне возможность прожить на земле самостоятельно, хотя бы одну человеческую жизнь. В нужный момент я выйду и попробую жить, как обычный человек.

– Неужели тебе здесь плохо, Айко? Многие из тех, кто живет на земле, никогда бы не захотели вернуться туда снова. Айко, я обещаю сохранить твою просьбу и когда-нибудь, в одном из поколений, мой потомок даст тебе такую возможность. Только зачем тебе это?

Айко замолчал, а предводитель ответил за него, – не спрашивай у него, он не ответит. На самом деле тут все просто. Однажды, побывав на твердом плане, в нем проснулась неутолимая страсть к земным женщинам. Поэтому мечтает снова вернуться на землю. Он хочет, чтобы его полюбили. А здесь все иначе – вокруг пустота, а чувства ничтожны в своих проявлениях.

Сновидение было путанным и не совсем понятным, но главное, что его верный товарищ согласился на эту грязную работу, хотя, Зумм так и не понял, что хотел сказать гомункул, говоря о темной стороне. Разберемся, – подумал во сне Зуммингер и снова забылся во сне.

Зуммингер спал до позднего вечера. Проснулся в полной темноте, и долго лежал, не шевелясь, вспоминая детали своего сна. Он был настоящим мастером, не зря Парацельс восхищался учеником: не торопливый, и обстоятельный, Зумм не давал осечек.

Зумм повернулся и лег на спину. Он прислушался и услышал, как кто-то поет. Он снова закрыл глаза, поймал мелодию и полетел с незнакомым голосом далеко-далеко в загадочную Индию.

Вот лунный свет – алхимика помощник, проник к затворнику через окно. Зумм пододвинул ширму к стене и с колбой сел за стол. Потом налил воды в колбу, достал заветную коробочку, достал оттуда кусочек темного стекла и положил на дно колбы.

– Ну вот, теперь, стряхнем сюда мы простынь, под голос райской песни, – прошептал Зумм, – а говорить с самим собой приятно, будто кто-то здесь другой, – Зумм улыбнулся лунному сиянию воды за выпуклым стеклом сосуда. Потом он расстелил бумагу на полу, над ней расправил простынь и встряхнул. Затем, свернув бумагу в купол, засыпал в горлышко невидимую пыль. Взяв нож, тихонько палец уколол и наблюдал, как медленно растет большое красное зерно и падает опять на дно сосуда в лунном свете, как растворяется, взрываясь, жизненная сила, вдруг растекаясь в жизненном эфире.

Вода, вода – начало всех начал, легла в основу этого сюжета, а где Эллина? О, она давно раздета и ей поет Канти. Зумм, оторвавшись от занятия, идет за ширму, смотрит за стеной театр сновидений! Тут свечи, зеркало, как пламя голос неземной и женщины вдвоем совсем в печали, застыли в думе о своем.

Зумм возвращается к сосуду, закрыв глаза, зовет Айко и тот спускается, – я буду, – он говорит, – как хорошо! И эта ночь и это полнолуние! Ах, как легко расти под лунным светом

Зумм смотрит, колба оживилась! В ней словно ожил крошечный родник! Пульсирует, живет, уж маленькое сердце бьется!

– Вода, начало всех начал, живи, Айко, живи, – читал алхимик заклинание и слушал музыку небес.

Не выдержав, подсел к отверстию в стене, алхимик смело любовался, как Эллина в зеркало смотрелась. И Канти отпустила, опять одна, напротив отражения, совсем нагая предалась мечтам.

А в это время в колбе билось сердце, отсчитывая грустные минуты, когда еще не знаешь кто и где ты. Пусть бьется, – думает алхимик, ну а сейчас, прости мой брат, любуюсь просто женским телом. Ее он видел со спины и в зеркале Эллины отражение, и князь стоял во весь свой рост, как будто наваждение.

Зумм здесь не смог, присутствие настолько ярко было, что он отпрянул и приставил колбу, как и хотел учитель.

Зумм долго слушал тишину, и сердце разрывалось, он вспомнил песню, наяву она ему казалась. Так он промучился до утра, а утром сон настиг и вспоминался смутно вчерашний свет Луны. Тем временем, родник в стекле клубился и о стекло, словно оживший, бился.

Ах, за стеной опять запела Канти, Зумм снова слушал сладкий голос неба и наслаждался, представляя, певицу нежно обнимая. Тонул в страданиях наш гений, тем самым светом вскармливал он друга. Что кровь! Она всего лишь жидкость и капли нет души ее, когда не в сердце льется. Поэтому алхимик не дал даже капли зародышу, чтобы не стал убийцей, друг его, что в колбе зарождался. Достаточно одной для самого начала, потом здесь этого не надо, гомункул должен полюбить и клеем быть бесплотным.

Вот так, прошла неделя в ожиданиях, надеждах исполнения мечты. Альберт еще в гостях, а Парацельс все там же отдыхает, не сомневается и знает, что ученик его дорогой верною идет к далекой цели.

Айко стоял на перекрестке страсти, тоски и сладостных желаний. Два дня наш Зумм не слышал голос Канти, не видел, только чувствовал, что есть прекрасное на свете. Желая заглянуть к Эллине и разочароваться боясь, все то, что в первый раз увидел там как живой на Элли смотрит князь, весь извелся наш дорогой алхимик. Его бы разорвало и испепелило желание, но друг взял на себя всю горечь, вдруг. Айко, старательная губка, вбирал в себя, тревожась не на шутку. Уже не видно маленькое сердце, ведь плоть вокруг невидимой стеной закрыла вокруг, лишь Зумм по-прежнему смотрел на колбу, где гомункул зрел.

Лишь тот, кто любит маленького гому, способен видеть маленького дома. Зуммингер наблюдал как сквозь туман, растет его воспитанник Айко. Здесь руки, голова и тело, ноги, растить ребенка в колбе не легко. Он чувствами одними лишь питался, зато весь гармонично развивался. Хотя и были, в общем, перекосы, но их не видно было до поры. Испытывал Айко избыток страсти, любясь прелестями Эллины – соседки, как не любить ее через стекло, рассматривая в зеркале коленки, и ножки, что сходились в треугольник, вот так, страдая, рос невольник.

Задерживался князь, княгиня тосковала, но применение рукам давно узнала и каждый вечер, стоя в отражении, любила, кажется, как прежде. И каждый раз, все больше оживая, Альберт ей делался желанней, и желала она его как много лет назад, опять.

Вы понимаете, ведь здесь Айко трудился, он в зеркале Эллины поселился, в роль князя медленно входил, вниманием, пока скрепляя рану.

Там, наверху все мастера устраивать этюды, конструктор ситуаций для людей велик, но есть и правила свои – в ходу лишь винтики любви, другими не скрепить чудесные детали: не прочно будет, ненадежно и неестественно и сложно. Эллина к зеркалу все чаще подходила. Заметила, здесь часто легче было.

Дни шли, Айко окреп, но Эллина не видя того, кто в зеркале сидит, решила, это образ князя за ней так пристально следит, ведь зеркала волшебней нет предмета, особенно когда в него действительно вселяются, живут посланцы неба!

А Зумм лежал, все дни и размышлял над поворотами судьбы. Айко, вернувшись с зеркала под утро, сидел у ног хозяина Земли. Зумм восхищался своим новым другом. Гомункул был и впрямь хорош и рос еще до образа небесного Айко.

– Хозяин мой, небесный избавитель, – к нему Айко так часто обращался.

– Что, милый мой гомункул? Рад тебе, – алхимик счастлив, тихо улыбался, – мне так приятно видеть мой цветок, который в колбе рос, старался. – Не называй меня хозяином, мой друг ты был, ты есть и я тут лишь свидетель. Алхимия без Господа – ничто, мой друг, ответь, ты счастлив хоть на свете? Отчасти твой родитель я, поверь и хочется порою мне услышать, – что, думаешь, и как тебе живется, что чувствуют мои, взрослая, дети.

– Зуммингер, знаешь, я давно хотел спуститься в лоно пламенной земли. Ты мне помог, я счастлив здесь, со мною рядом ты. Ты подселил меня к Эллине, я клей меж ней и князем, знаю, известна здесь задача мне моя. Скреплю сердца их, так и быть удача, мой друг, преследует тебя. Еще немного наберусь я силы, всего того, что сердцем рождено, отец мой, Зумми милый, с тобой расти приятно и легко! Не кормишь кровью, чувствами питаюсь, от этого влюбленным в мир расту, поверь, все правда, ты и сам все знаешь, осуществил учителя мечту. Твои заботы, друг, отец мой, Зумми, с лихвой окупятся, поверь, ты не грусти и все печали мы скоро выставим за дверь. Одно лишь странно, не понятно, ты любишь Канти, я этим чувством прирастаю и через силу делаю все это для тебя, а мне хотелось бы одним с тобою быть, хотя бы ненадолго.

Клей.

На плане семян, там, откуда к нам спускаются заботы, радость и несчастья, следили за работою Айко. Когда увидели, что все идет как надо, то решили придумать способ князя задерживать. Что касается Айко, то он не просил никакой помощи неба, поэтому все делали без него, в тайне. К тому же, чем больше гомункул входил в твердый план, тем меньше его оставалось там, наверху. Айко уже хорошо освоил зеркало, и иногда ему удавалось даже вытащить оттуда свою руку или голову, но делал это осторожно, чтобы не испугать до смерти Эллину. Часто искусственным существам приписывают агрессивные качества. Надо сказать, что так оно и есть. Но нашего Айко это не касается, ведь Зумм или Зумми, как его называет гомункул, заранее все предусмотрел и уже давно достал с тонкого плана основу будущего существа, которое хранил в тайном кусочке стекла и часто к нему обращался за советом.

Зумм время от времени писал учителю отчеты. Они были сухи, но Парацельсу было достаточно и этого, чтобы понять, как идет работа, и поэтому он очень обрадовался письму князя, в котором Альберт предупреждает Парацельса, что вернется еще не скоро.

Эллина получила письмо от князя, конечно, первой. Она в нетерпении открыла конверт и радовалась, как ребенок, знакомой руке князя. Такого с ней не было никогда, но сейчас она даже не обратила внимания на странные перемены в своем отношении к мужу.

Неужели такое возможно? Да, как видите, наш гомункул с первых своих шагов, начал менять ситуацию. Альберт и Эллина в разлуке скучали, но в их тоске не было горечи и досады. С каждым днем разлуки они видели, как становится светлее мир вокруг них. Они не чувствовали одиночества, они были вместе не смотря на расстояние. Их чувства все больше и больше сближались, превращаясь в одну мелодию, пока еще не совсем схожую. И чем сильнее она крепла, тем чаще у них появлялось непреодолимое желание увидеть друг друга.

Когда Эллина не было в комнате, Айко продолжал пытаться выходить из зеркала. Как ни странно, но эта часть так же входила в работу нашего клея.

Парацельс беспокоился, что гомункул выйдет из-под контроля, это случалось в его опытах не раз. Если он замечал, что искусственные человечки перестают его слушаться, то он просто переставал давать им кровь. Зумм иногда втайне посмеивался над своим учителем, – превращать искусство создания жизни в ремесло – не позволительно мастеру. Небо оплодотворяло новую жизнь, но дальше это не развивалось, а только росло. Разве так можно, – сокрушался

Зумм, но ничего не говорил учителю. Не говорил отчасти из-за того, что учитель часто оказывался прав, а там, где его правота не проявлялась, то проявлялась потом, спустя годы. А еще Зумм не говорил потому, что сам решил всерьез в будущем заняться этой темой. В этот раз ему удалось уйти еще дальше и смог заранее выбрать нужную сущность, а еще он начал кормить гомо своими желаниями и чувствами. Может поэтому Зуммингер несколько дней уже валяется в постели. То ли спит, то ли нет. Не удивительно, ведь желание встретиться с Канти, оборачивалось на практике совсем другим, что делал Айко. Все это полностью обессиливало Зумма. Гомо с первых дней самостоятельного существования, когда сформировались его части, и он смог выходить из колбы, начал уже тогда ухаживать за Зумми. Тут вы могли заметить одну особенность. Так для Зумма, гомо мог свободно передвигаться и без труда двигал любые предметы, не испытывая никаких затруднений, но для того, чтобы его начали ощущать или видеть другие, Айко и его земному создателю еще много надо было приложить сил и стараний. Айко даже спустя две недели не мог полностью выйти из зеркала в комнате Эллины.

Желание Айко выйти из зеркала беспокоило Зуммингера. Перед его глазами иногда появлялись образы страшных бесконтрольных монстров, уничтожающих все живое, но Айко чувствовал тревоги своего создателя и всячески пытался его успокоить.

– Не бойся, Зумми, ничего плохого не случится. Мне кажется, Айко, – отвечал ему Зумм, – что настоящее нападает на меня, иногда мне страшно. Ты единственное существо, с которым я могу быть откровенным, Айко.

– Да, Зумми, только так и никак иначе, ты не сможешь вырастить меня таким, как надо. Ты на верном пути. Твое бессилие и страхи от того, что я еще расту и развиваюсь. Потерпи, мой создатель, а сейчас отдыхай, не думай ни о чем, – успокаивал его гомункул.

– Даже о Канти? – спрашивал его Зумм.

– Нет, о ней тебе просто необходимо сейчас думать, иначе, я перестану расти, Зумми. Из-за твоих направленных чувств, Зумми, мне самому невероятно трудно общаться с Эллиной, поверь, не просто. Всем своим существом я с твоими желаниями, Зумми и так же хочу встретить нашу Канти.

– Это осадок от твоей пищи, Зумм, у нас пока что нет выбора.

Всякий раз Зумм внимательно всматривался в глаза своему созданию. Он боялся увидеть в них дикий блеск неконтролируемой страсти и жестокости, но животного блеска не было. В его глазах была любовь, терпение и забота, которую он продолжал проявлять в отношении Зуммингера, втайне, как и Зумми, желая встретить Канти, истинного объекта чувств и желаний. Вот так они действовали наперекор со своими истинными желаниями. Еще немного потерпеть, – думали они и продолжали начатое грязное дело.

Новая Элина.

Этим утром Элина, впервые за долгое время проснулась в отличном настроении, хоть уснула довольно поздно. Обычно, сколько бы она не спала, никак не могла почувствовать бодрость и прилив сил. А в этот раз, как ни удивительно, бодрость переполняла ее! Эта ночь была чудесной: ей снился сон с князем – чутким, внимательным, сильным и нежным. Казалось, за одну ночь, в ее сердце проснулась ее любовь к князю и как и раньше, она вдруг, почувствовала острую тоску по супругу.

Канти увидела утром Элину и от удивления не могла ничего сказать. Она открыла от удивления рот, но ничего не прозвучало. Элине пришлось самой ее спрашивать.

– В чем дело, Канти, за тобой будет закрывать рот? – Элина рассмеялась, – открыть открыла, а закрыть забыла!

Канти рассматривала преображенную госпожу – свежая кожа лица, яркие глаза. Даже волосы стали ярче и стали виться на кончиках, а голос... Голос стал звонким и радостным.

– Что с вами, госпожа? – только и смогла выговорить Канти.

– Мне сегодня так хорошо, Канти! Ты себе не представляешь! Впервые мне так сильно хочется увидеть моего любимого Альберта. Даже в первые месяцы нашей совместной жизни такого не было, а сейчас, что-то произошло со мною или с миром, не знаю что, но меня переполняют желания!

– А вчера не было ничего необычного, госпожа? Вспомните, после того, как я ушла, пропев вам вашу любимую песню, что случилось?

Эллина начала вспоминать.

– После того, как ты ушла, Канти, я стала готовиться спать и перед тем как лечь в постель, я подошла к своему зеркалу. Помню, как слегка начали потрескивать свечи, и чем ближе я подходила к зеркалу, тем громче начинал трещать их огонь. Я даже попробовала отойти.

– И что было, когда вы отходили? – насторожилась Канти.

– Когда я начинала отходить от зеркала, то свечи переставали трещать.

– Ваше зеркало заколдовано, Эллина. Если так происходит, то наверняка в вашем зеркале кто-то поселился, а раньше вы не замечали этого треска?

– Нет, Канти, не смейся меня. Кто поселится в зеркале? Кроме отражения Альберта в зеркале никого нет! Зато, он в этом отражении, словно живой! Когда я подходила к самому стеклу, то у меня появлялось чувство, будто Альберт начинает выходить из своего отражения мне навстречу.

Эллина вспоминала, что происходило рядом с самым стеклом. Она улыбалась, но Канти ничего не говорила. Слишком интимные моменты эллина оставила для себя самой, чтобы потом, как она думала, можно было вспоминать снова и снова эти странные ощущения, эту неизвестную ранее атмосферу спокойствия и сладкой тишины. Эллина на минуту позволила себе вернуться назад в прошедшую ночь. Там, где от ее дыхания начинало туманиться стекло, он чувствовала прикосновение к своему телу рук Альберта. Он был, как никогда нежен и осторожен.

– Это на меня что-то нашло сегодня с утра, Канти, – пояснила она свою долгую паузу и неконтролируемую расслабленную улыбку во время воспоминаний этой ночи.

– Да, Эллина, конечно, но вы сегодня прекрасны! Я просто влюблена в вас!

– Да, Канти, спасибо тебе за комплимент. Дай Бог, чтобы таких дней было у меня как можно больше!

Весь день они гуляли с Канти в маленьком внутреннем саду замка вместе с детьми, веселились и играли с ними в веселые игры, а вечером Эллина попрощалась с Канти раньше обычного, чтобы как следует подготовиться к встрече с князем в отражении зеркала. Княгиня не особенно задумывалась, как такое вообще было возможно, но отлично осознавала, что все зеркала волшебные, каждое по-своему.

Она спрашивала себя, почему князь раньше не мог повесить в ее комнату свой большой портрет? Если бы он сделал это раньше, то многое сейчас было бы совсем другим. Эллина была убеждена в этом совершенно искренне.

Когда совсем наступила ночь, Эллина зажгла все свечи, что были в комнате, и подошла к зеркалу так, чтобы не видеть себя, и заглянула за толстое стекло. Там в черной щели между стеной и стеклом Эллина могла увидеть только пыль, да паутину, и больше ничего. Надо будет приказать завтра как следует убратся тут, подумала она. Надо же, ничего нет, а мне показалось, – улыбнулась Эллина, – надо идти спать, а то покажется Бог вещь что, – она тихо рассмеялась и направилась к кровати, но потом остановилась, оглянувшись на волшебное стекло. Оттуда на нее смотрел князь...

– Милый, – прошептала она, – где ты сейчас, чувствую, как ты тоскуешь, когда же ты вернешься? Даже твой портрет, стал медленно оживать, Альберт, – она умоляюще смотрела в отражение зеркала.

Буд-то кто-то невидимый подталкивал Эллину к волшебному стеклу. Он действительно оживает в этом волшебном зеркале, думала Эллина и медленно подходила к зеркалу.

Когда она оказалась совсем рядом, свечи опять начали трещать. Эллина отошла, и свечи успокоились. Эллина собрала все свои силы и бесстрашно маленькими шажками пошла вперед, к отражению князя в волшебном зеркале. Она решила не отвлекаться ни на что и наблюдать за всем, что произойдет, но как она ни старалась, не смогла этого сделать. Как только она почувствовала снова нежное прикосновение зеркала, то от страха или от невыразимого блаженства погрузилась в сладкое сновидение.

Она узнавала прикосновение рук Альберта на своей груди, животе, бедрах, потом его губы стали скользить по ней – тихо и нежно прикасаясь и согревая ее своей настойчивой смелостью.

Ей казалось, что она уже спит, когда подошла вплотную к зеркалу и почувствовала, как кто-то обнял ее. Руки князя обнимали ее. Эллина не могла поднять веки, чтобы убедиться во всем происходящем. Ей совершенно не хотелось искать доказательства своим сладким фантазиям. Она только слушала свое шумное дыхание, что становилось все сильнее и сильнее, и удивлялась, невероятно реальным ощущениям. Это не могут быть только мои фантазии, на секунду вспыхнула мысль в ее голове, но затем, она погрузилась в горячий туман и пришла в себя уже на кровати.

В открытое окно смотрели звезды. Свежесть и невероятная радость кружили Эллину. Она падала в глубокий сон и из последних сил смогла открыть напоследок глаза и улыбнуться далеким звездам, – Альберт, – спасибо тебе, любимый мой, за эту волшебную ночь, – прошептала она и уплыла по искристой реке в самое утро.

Под утро Зумм увидел, как на краю его постели сидит Айко. Его тень почти совсем обрела черты взрослого мужчины. Зумм рассмеялся, – Айко, ты у меня совсем уже взрослый. Что только мне с тобой потом делать? Вот в чем задача.

Айко подсел ближе и Зумм рассмотрел улыбку на лице своего создания.

– Ты улыбаешься? Хорошо провел ночь? – поинтересовался Зуммингер.

– Да, мой дорогой создатель, ночь была чудесной. Князь и княгиня благодаря нашему клею в моем исполнении снова хотят друг друга, и скоро я буду свободен!

– С княгиней понятно, а как ты узнал про князя? Или для тебя нет секретов, мое волшебное создание? Ты между делом не влюбился в княгиню?

– Моя задача, Зумми, не влюбляться в княгиню, да я и не могу, так как живу на твоих чувствах, а они совершенно иной направленности. Мне это ни к чему и задача моя совсем другая, правда? – Гомункул посмотрел на своего создателя.

– Да, твоя задача склеить их вместе, разбудить то, что спит крепким сном, а потом время покажет.

– Что потом, Зумми? Ты меня заставишь вернуться назад?

– А ты не хотел бы возвращаться, Айк?

– Нет, мне хочется, чтобы меня тоже любили, так же, как и Альберта.

– Будет тебе любовь, будет, Айко, обещаю тебе, – сказал Зумм, – только надо будет подождать.

Айко умоляюще посмотрел на своего создателя, словно спрашивая, – сколько ждать, Зумми? А это любовь Канти?

– Вижу, отравил я тебя, Айко, теперь сам не знаю, что с тобой делать. Не смотри на меня так, Айко, – не в этом веке, в этом веке не успеем.

– Но ты ведь не вечен, Зумми! – воскликнул Айко.

– Да, но ты то вечен, поэтому вполне сможешь дождаться своего счастья. Я спрячу тебя, Айко и ты сам выберешь момент, чтобы выйти и жить в этом мире. А сейчас я хочу, чтобы ты

окреп как можно сильнее и смог бы при желании начать выходить из этого волшебного стекла. Ты ведь еще не можешь выйти из него?

– Нет, Зумми, пока еще это очень сложно. Только когда Эллина подходит совсем близко к стеклу, мне удастся вытянуть из стекла мои руки, но выходить пока не могу, как ни стараюсь.

– Мне может не хватить сил полностью тебя освободить для земной атмосферы и тогда тебе придется ждать следующего случая, тебя это не очень пугает, Айко?

– Было бы грустно, но я подчинюсь судьбе.

– Айк, твоей судьбой занимаются твои братья, ты немного лукавишь, сын мой, – Зумм улыбнулся, а Айко смутился.

– Да, Зумми, судьба не скоро предоставит мне случай, мне об этом уже сказали и я могу совсем исчезнуть, вернувшись в твоё стекло, как только ты встретишься с Канти.

– Вот видишь, мой дорогой, все ты понимаешь, – Зумм сел рядом с Айко и обнял своего волшебного сына, – но полностью ты все равно не исчезнешь, то. Что я вложил в тебя, останется, правда?

– Увы, мой друг, Зумми, останется, – гомункул загрустил, – зачем только? Неужели нельзя было обойтись без этой пытки, Зумми?

– Нельзя, мой брат, нельзя, – успокаивал его Зумм, – зато ты узнал что-то новое, вот увидишь, придет время, и ты не будешь об этом жалеть, а только благодарить Судьбу.

– Да? – неуверенно переспросил гомункул, – а про себя подумал, – я останусь с тобой, друг мой, и Канти будет всегда рядом, а в следующей жизни она будет только моей, только моей!

– Да, Айк, милый мой друг, не переживай.

– А я теперь уже не переживаю, Зумми, – ответил Айко, и на его лице появилась легкая усмешка.

Князь Альберт по просьбе Парацельса продолжал гостить в Литве у своих покровителей. Найти повод, чтобы задержаться было просто, куда тяжелее было выносить разлуку с Эллиной, и с каждым днем тоска усиливалась. Он мучился две недели, но однажды ночью он странным образом оказался в спальне своей супруги. Она стояла рядом с ним, между ними было только прозрачное стекло, которое постепенно таяло. Как только оно совсем исчезло, Альберт обнял Эллину, и почувствовал, как сильно бьется ее сердце. Эллина, Эллина, – повторял он, целуя ее грудь и лицо, – так скучаю без тебя, так скучаю!

В своем очередном письме Парацельс просил князя писать ему обо всем необычном и странном, что с ним произойдет. В ответе князь написал о своем странном сне, но, конечно же, достаточно лаконично, но Парацельсу и этого было вполне достаточно. Он понял, что клей Зуммингера начал действовать. Парацельс анализировал отчеты князя и своего более чем лаконичного ученика Зумма. Тем самым он активно наблюдал за ходом эксперимента, продолжая между делом дегустировать местные вина. Что же, в этом, наверняка была своя неповторимая красота и прелесть, не смотря на опьянение, трезво смотреть на вещи и направлять ослепленных страстями, в нужное русло. Только так и никак иначе, нельзя было проводить подобные эксперименты. Он смотрел на этих чувственных созданий свысока своей невозмутимости и продолжал руководить сложным и запутанным процессом. Жизнь многогранна, – думал Парацельс, – а эти пламенные чувства заслоняют от нас слишком много. Парацельс пытался успокоить себя, осознавая, что, не смотря на свою гениальность, многое для него было скрыто за стеною его земного совершенства. Он продолжал рассматривать цвет алой жидкости и медленно глоток за глотком притуплял поднимающуюся боль в груди. Зачем мне эта гениальность, – думал он, – к чему, если я не могу почувствовать то, чем отравлены большинство на этой планете. Несмотря на свои мимолетные переживания, Парацельс продолжал начатое дело, анализировал и намечал последующие шаги.

С одной стороны, Парацельс чувствовал, что Зумм скрывает от него тайну одного из опытов с гомункулами, а с другой, прекрасно понимал своего ученика. Ведь любая тайна, особенно если она настолько сокровенная, что ее обладатель не в силах признаться даже самому себе о том, что он является единственным обладателем в мире чего-то необыкновенного, невероятного, это очень тяжелая ноша. В тоже время, владение ею, залог роста личности. Время наложит на маленькую тайную песчинку свои нити, и тайна станет уже внушительным клубком. Пройдут года, а быть может, десятилетия и хозяин этого некогда неприметного клубка, окажется внутри огромного собственного мира!

Это правильно, что Зумм скрывает от меня тайну своих человечков. На его месте я делал бы тоже самое, размышлял Парацельс, прогуливаясь по парку вокруг замка.

Здесь было всегда тихо и прохладно. Алхимику нравилось стоять на берегу озера и смотреть на стаю белых лебедей. Они так чудесно оживляли этот сказочный замок Альберта! Парацельс крошил в воду хлеб для белых птиц. Лебеди подплывали, изгибали шеи и вылавливали хлебные кусочки. Чуть поодаль Парацельс увидел женщину, которая тоже кормила лебедей. Он подошел к ней и спросил, – кормите птиц, сударыня? И с какой целью вы это делаете?

– Чтобы они были ручными, – ответила женщина, сверкнув темными глазами.

– Вас случаем не Канти зовут, барышня? – Поинтересовался Парацельс, вспоминая письма князя, где он описывал помощницу Эллины.

– Меня Канти, а Вас?

– Парацельс. Проездом в Европу.

– А, слышала, – оживилась красавица, – с вами еще ученик был. Почему он не ходит с Вами кормить птиц?

– Он сейчас занят, Канти.

– Он тоже врач?

– Да, и при этом очень талантливый, – ответил Парацельс и почувствовал, что эта встреча не случайная. Неужели кто-то проговорился, подумал алхимик, Канти нарочно устроила эту встречу. Трудно было поверить, что у такой красивой девушки не нашлось другого занятия, кроме как кормить птиц.

Парацельс был прав, Канти действительно очень внимательно следила за потенциальными женихами и прознала у охраны, что тот самый молодой врач, который так страстно смотрел на нее в ту, единственную их мимолетную встречу, живет сейчас где-то в замке.

Канти сопоставила некоторые события, которые произошли после приезда в город этой алхимической парочки, и ей показалось это странным. Она решила кое-что разузнать у Парацельса.

– Где сейчас ваш талантливый молодой коллега? – спросила Канти, приняв по возможности равнодушный вид, – читает книги или ухлестывает за местными красотками? Кстати, он не женат?

– А Вы, Канти, ищите жениха? – улыбнулся Парацельс.

– Хорошие женихи, уважаемый Парацельс, на дороге не валяются, поэтому их всегда приходится искать. Разве не так? – Канти рассмеялась.

– А Вы не боитесь так откровенно обо всем говорить, Канти?

– С Вами нет, – ответила она, – Вы врач и наверняка не болтливы. Да и зачем кому-то Вам обо мне рассказывать? Может, скажите, где Ваш помощник? Ладно, не говорите, я сама все узнаю, – улыбка пропала с лица женщины, и она стала совсем серьезной.

– Канти, Вам очень идет улыбка, – Парацельс попытался вернуть хороший настрой девушке и как это бывает при таких благородных намерениях, совершенно случайно сказал лишнее, – он сейчас очень занят.

– Жаль, – ответила она и сделала вид, что это известие ее очень расстроило. – А как зовут Вашего занятого последователя?

– Зуммингер.

– Громкое имя, – Канти на мгновение отвела взгляд, возможно представляя будущее этого человека, но Парацельс заметил, внезапное ее вдохновение и попытался остудить разыгравшуюся фантазию красавицы.

– Он только доктор, Канти, только доктор.

– Только доктор, – будто передразнивая, ответила Канти, – и это у такого известного учителя как Вы, господин Парацельс, ученик только доктор?

– А я вот давно не слышал Ваших песен, Канти, вы совершенно перестали радовать округу своими песнями. Вы чудесно поете, и многие наверняка теряют покой в своем сердце, услышав Ваш голос.

– Да, но и кроме этого, я просто еще хороша! – рассмеялась Канти.

Судя по ее довольному тону, Канти, в заключение беседы, осталась удовлетворенной результатом этой встречи. Она попрощалась с «великим врачом современности», сказав это очень серьезно и без ехидства, и пошла в сторону замка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.